

ПРИХОДСКАЯ №98

Газета

СЕНТЯБРЬ 2015

ХРАМА СВВ. БЕССР. КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви
Свидетельство №100 от 4 июля 2011 г.

25 ЛЕТ БЕЗ ОТЦА АЛЕКСАНДРА И ВМЕСТЕ С НИМ

80 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПАСТЫРЯ

Наша страна ещё будет гордиться, что в условиях советского режима, в условиях, когда всё было направлено на то, чтобы не появились такие люди, как отец Александр Мень, и такие книги, какие он написал, что в этих условиях жил такой замечательный человек, который открывал нам Божию любовь. Через любовь, которую Бог дал его сердцу, он приводил и ещё будет приводить тысячи и тысячи людей к истине, ко Христу, к добру и созиданию.

Священник Александр Борисов

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Тема номера

Издан первый том собрания сочинений о. Александра Меня	2
О. Александр — пример для современного духовенства	4
Михаил Мень о своем отце	6
Протоиерей Александр Мень: послание XXI веку	10
Как воспринимают о. Александра Меня за рубежом	15
X Меньевские чтения в Семхозе	19

Память

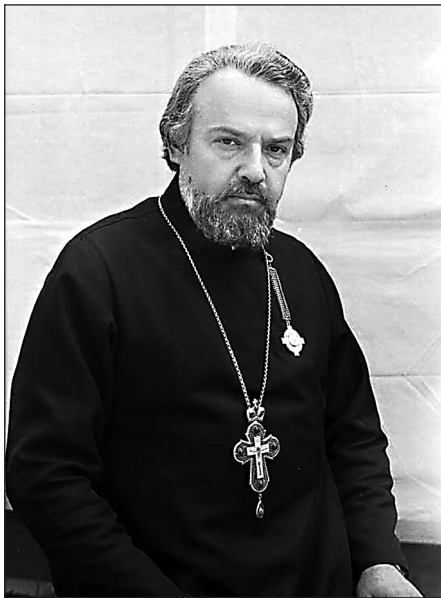
Вечер памяти о. А. Меня — впервые без Екатерины Гениевой	25
Ю. Кузнецов С благодарностью — Е. Ю. Гениевой	28

Исповедники веры

Ю. Зайцева Тайные монашеские общины Высоко-Петровского монастыря	29
--	----

К 80-летию о. Александра Меня

Ю. Пастернак Время и вечность	31
А. Мень Кредо	34

Первый том собрания Александра Меня на Международной

В рамках работы XXVIII Московской международной книжной ярмарки состоялась презентация первого тома собрания сочинений протоиерея Александра Меня — замечательного пастыря, проповедника и церковного писателя второй половины XX века. Издание приурочено к двум датам — 80-летию со дня рождения и к 25-ю со дня его трагической гибели

Участники презентации — священники, ученые и журналисты поделились своими размышлениями об отце Александре как проповеднике, библеисте и апологете и его самой известной книге «Сын Человеческий», опубликованной в первом томе собрания сочинений.

«Это пятнадцатитомник, подготовленный Издательством Московской Патриархии, хороший повод поговорить не только о самой книге, но и о Церкви, — отметил, открывая презентацию, ответственный редактор Журнала Московской Патриархии Сергей Чапнин. — Церкви живой и действующей в современном мире. Отец Александр Мень обладал удивительной чувствительностью к культуре в самом широком смысле этого слова, в том числе и к культуре диалога. И если бы не его

трагическая смерть, то период, который мы сегодня называем «церковным возрождением», мог бы сложиться иначе и сохранить обращение ко Христу в сердцевине своего послания современному человеку».

Развивая эту мысль, главный научный сотрудник Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы Евгений Рашковский отметил, что один из самых страшных и трагичных узлов российской истории — это разрыв между Церковью и интеллигенцией. «Отец Александр этот разрыв и антагонизм преодолел в самом себе. Он выступал и как священник, и как философ и публицист, и как культуролог», — подчеркнул Евгений Рашковский. В условиях авторитарного режима он был среди тех, кто «сумел пробудить веру в луч-

шей части русской интеллигенции советского периода, раскрыв перед ней интеллектуальные, эстетические и духовные горизонты Православия».

По словам публициста и телеведущего Александра Архангельского отец Александр Мень был не только человеком веры, мысли, человеком культуры, но ответственным священником, который работал с огромной пастырской любовью, «соединяя всех со всеми». В этом и есть его главный урок для нас. «Как сказал философ Сергей Аверинцев, он был миссионер дикого племени советской интеллигенции», — напомнил Александр Архангельский.

По мнению протоиерея Антония Ильина, 11 лет служившего в кафедральном соборе Брюсселя, отца Александра можно назвать апологетом христианства. «В истории Церкви были христианские апологеты, которые стремились все, что существовало вокруг них в сфере философии, логики и культуры соотнести со Христом, — сказал отец Антоний. — Точно также поступал и отец Александр, помогая мыслящим людям сделать последний шаг навстречу ко Христу».

Влияние книги «Сын Человеческий» на формирование своего духовного мировоззрения отметил главный редактор Издательства Московской Патриархии протоиерей Владимир Силовьев. «Я с детства читал Евангелие, и это было детское издание с картинками Доре. Но когда в 8–9 классе я впервые прочел «Сын Человеческий», то был поражен. Мне открылся

сочинений протоиерея представлен книжной ярмарке в Москве

совсем другой мир Евангелия. В мое время не было в свободном доступе духовной литературы, не было общения с единомышленниками из церковного мира, — вспоминает священник. — И все это я вдруг получил из этой небольшой и очень емкой книги. Я ясно понял, что все направлено ко Христу — и наука, и искусство и все, что достойно уважения».

Отец Владимир отметил также, что идею издания этого собрания сочинений подсказал сын отца Александра — Михаил Мень, а Святейший Патриарх Кирилл благословил эту инициативу. Всякое собрание сочинений, в частности такого выдающегося человека, это явление не только в книжном мире, но и в российском и мировом культурном пространстве. «В подготовке текстов к изданию я чувствовал духовную поддержку со стороны отца Александра Менья, его молитвенную помощь, и это очень помогало в нашей работе».

Протоиерей Виктор Григоренко, настоятель Сергиевского храма, построенного на месте убийства отца Александра. Он признался, что часто встречается с

людьми, которые пришли к вере благодаря книге «Сын Человеческий». «Люди приезжают в наш храм не только со всей России, и из-за рубежа. Общий тираж книг отца Александра — 8 миллионов экземпляров. И это большая радость, что к нему добавляется еще одно издание. Я знаю, что сотрудники Издательства проделали огромную работу, готовя это издание, многое пришлось сверять и проверять. Но зато мы сегодня имеем академическое издание книги, которое приведет в Церковь еще очень много людей», — сказал отец Виктор.

Настоятель храма Космы и Дамиана в Шубине протоиерей Александр Борисов поделился воспоминаниями о том, как держал в руках самый первый — самиздатовский — вариант книги «Сын Человеческий». Он знал ее автора с детства. «Это было осенью 1958 г. и первый тираж был 6 экземпляров. Столько листов брала печатная машинка. Листы переплели в книжицу, где иллюстрации — картинки из других книг и журналов — были наклеены самим отцом Александром, — вспоминает он. — Друзья говорили ему, зачем ты это

пишешь? Никто не издаст твои труды, все это так в столе и останется, да и не безопасно. А он отвечал: «Если нам будет, что сказать о нашей вере, Господь найдет пути, чтобы донести до тех, кто это захочет услышать» и продолжал свою работу». И словно в подтверждение этих слов, тиражи его книги во Франции и Италии расходились очень быстро, хотя были и скептики. Отец Александр Мень пишет о Христе так, словно знал Его лично. И в его жизни было немало моментов, когда он действительно имел откровение личного присутствия Христа, говорит священник. «Он всегда говорил — самое главное, что Христос не оставил нам ничего после себя, а сам остался с нами. Он считал что самые главные слова — Я с вами во все дни до скончания века. (Мф. 28:18)», — заключил отец Александр Борисов.

Отец Александр Мень был постоянным автором Журнала Московской Патриархии. И в сентябрьском номере ЖМП опубликована большая обзорная статья Евгения Полищука о этих публикациях.

«Судьба произведений отца Александра удивительна. Его книги прошли через все возможные формы изданий — и самиздат, и тамиздат, и издание на иностранных языках и в России. Мы надеемся, что венцом этой большой издательской программы станет новое собрание сочинений», — подвел итоги встречи Сергей Чапнин.

*Алексей Реутский
3 сентября 2015 г.*

Московский церковный вестник

МИТРОПОЛИТ ЮВЕНАЛИЙ: Отец Александр Мень — это пример для современного духовенства

9 сентября, в день, когда отмечается 25-я годовщина трагической гибели известного православного священника, библииста, просветителя и миссионера протоиерея Александра Менья (1935–1990), митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий молитвенно почтил его память, как делает он это ежегодно.

Митрополит Ювеналий совершил Божественную литургию в храме Сретения Господня в подмосковной Новой деревне, где много лет служил сам о. Александр Мень, затем поклонился могиле пастыря, которая расположена в ограде храма у алтаря.

По сложившейся традиции, далее митрополит направился в поселок Семхоз, где возложил цветы у божницы на том месте, где ранним утром 9 сентября 1990 г. неизвестные до сих пор убийцы напали на священника и смертельно ранили его. В храме прп. Сергия Радонежского, построенном на месте убийства пастыря, митрополит Ювеналий совершил панихиду. Ему сослужили восемь священников, среди них — отцы Александр Борисов, Виктор Григоренко, Лев Шихляров, Вячеслав Перевезен-

Далее он обратился преимущественно к священнослужителям: «Что является центральным для нас? Это пример, назидание, призыв к современному духовенству — ревностно проповедовать Слово Божье. Какая была вера! Какая внутренняя сила была у этого пастыря, когда он, полный сил, энергии, не думал о мирских утехах, а все силы своей души, все знания посвящал проповеди Христа-Спасителя, уподобляясь, может быть,

первым христианам, которые молились в катакомбах, а он имел возможность проповедовать в своем храме и в других местах — везде находил возможность возвещать спасение о Господе людям, жаждущим Его. Я не случайно обращаюсь к современным пастырям — сегодня их руки ничем не связаны. Отмечая 25-летие трагиче-

СЕГОДНЯ МЫ ЖИВЕМ В УСЛОВИЯХ ПОДЛИННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЫ: ХРАМЫ ОТКРЫТЫ, КНИГИ ДОСТУПНЫ, ЗА ВЕРУ НЕ ПРЕСЛЕДУЮТ. ПОКОЙНЫЙ ПРОТОИЕРЕИ АЛЕКСАНДР СЛУЖИЛ И ТРУДИЛСЯ В СОВЕРШЕННО ИНЫХ УСЛОВИЯХ. НО КАК ПАСТЫРЬ, ОСОЗНАЮЩИЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОРУЧЕННОЕ БОГОМ ДЕЛО, ОН МНОГОЕ СДЕЛАЛ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ БЛАГАЯ ВЕСТЬ О ХРИСТЕ РАСПЯТОМ И ВОСКРЕСШЕМ БЫЛА ДОСТУПНА СОВРЕМЕННОКАМ. БЛАГОДАРИ ЕГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИМ И КАТЕХИЗАТОРСКИМ ТРУДАМ, ЖИВОМУ И ВДОХНОВЕННОМУ СЛОВУ МНОГИЕ ЛЮДИ ОБРЕЛИ ВЕРУ, СТАЛИ АКТИВНЫМИ ЧЛЕНАМИ СВЯТОЙ ЦЕРКВИ.

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛ

цев. Несколько десятков священнослужителей из разных епархий РПЦ, монашествующие и множество мирян заполнили храм.

Обращаясь к собравшимся, митрополит Ювеналий сказал: «Прошло четверть века с того трагического события, когда был убит протоиерей Александр Мень... Хотелось вспомнить известные всем слова о мучениках первых трех веков, что кровь их явилась семенем для новых христиан».

ской кончины о. Александра, они должны вдохновиться его примером, как нужно посвящать свою жизнь проповеди Слова Божия. Пусть Господь коснется сердец и тех пастырей, которые услышат меня через СМИ, чтобы, не теряя ни дня, ни часа, ни минуты, они всей своей жизнью проповедовали Господа Иисуса Христа».

Отвечая на вопросы журналистов после богослужения, митрополит Ювеналий подчеркнул:

«Прошло 25 лет, и все формы исторического служения РПЦ были восстановлены – и просветительская, и социальное служение. Нужна любовь и дерзновение современных священников, чтобы все это осуществить. А четверть века назад многое из этого осуществил о. Александр Мень. Поэтому он является светлым примером для нашего поколения».

Далее митрополит Ювеналий посетил обновленную экспозицию «Протоиерей Александр Мень: путь человеческий» в Культурно-просветительском центре «Дубрава». Экскурсоводом для него стал настоятель Сергиевского храма о. Виктор Григоренко, племянник о. Александра. Постоянна экспозиция, в которой собраны автографы, рукописи, книги, рисунки, личные вещи о. Александра, его богослужебные облачения, написанные им иконы, дополнена предметами из комнаты семьи Мень в московской коммунальной квартире на Большой Серпуховской улице, где Александр Мень провел детство. О. Виктор обратил внимание митрополита Ювеналия на так называемый «абрамцевский» шкафчик, куда Елена Семеновна Мень, мама будущего священника, прятала от соседского глаза иконы. Шкафчик открывался на время молитвы. Среди экспонатов – письменный стол, за которым маленький Александр писал и рисовал, книжный шкаф, а также абажур и настольная лампа, принадлежавшие семье. Также в экспозиции представлены новые фотографии и юношеские рисунки священника.

Фотограф Алексей Руфимский представил митрополиту Ювеналию и всем собравшимся свою выставку «Образы, написанные светом», посвя-

ЭТО БЫЛ ЧЕЛОВЕК НЕОБЫКНОВЕННОЙ ОДУХОТВОРЁННОСТИ, КОТОРЫЙ ВЁЛ ПОДВИЖНИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ И ЗАКОНЧИЛ ЕЁ МУЧЕНИЧЕСКИ. НО НА КРОВИ МУЧЕНИКОВ, КАК ИЗВЕСТНО С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН, ПРОРАСТАЮТ СЕМЕНА ХРИСТИАНСКОГО БЛАГОВЕСТИЯ, РАСТЁТ И УКРЕПЛЯЕТСЯ ЦЕРКОВЬ ХРИСТОВА. [...] ВСЕ, ВХОДИВШИЕ С НИМ В ЛИЧНЫЙ КОНТАКТ, А ТЕМ БОЛЕЕ В КОНТАКТ БОГОСЛУЖЕБНЫЙ, ОЩУЩАЛИ ВНУТРЕННЮЮ СВОБОДУ ЕГО МОЛИТВЕННОГО ОБЩЕНИЯ С ОЦОМ НЕБЕСНЫМ, ИСПОЛНЕННУЮ ДУХА, КОТОРЫЙ, ПО СЛОВАМ СПАСИТЕЛЯ, ДЫШИТ, ГДЕ ХОЧЕТ. ИМЕННО ЭТА ВНУТРЕННЯЯ СВОБОДА И БЫЛА, БЫТЬ МОЖЕТ, ОДНОЙ ИЗ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ ЧЕРТ ЕГО МЕНТАЛИТЕТА, КОТОРЫЕ ДЕЛАЛИ ЕГО СЛУЖЕНИЕ, ПРОПОВЕДЬ И ВСЮ ЕГО ЛИЧНОСТЬ СТОЛЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫМИ.

АРХИЕПИСКОП МИХАИЛ (МУДЬЮГИН) ОБ О. АЛЕКСАНДРЕ МЕНЕ

щенную десятилетию Меньевских чтений. На фотографиях запечатлены участники всех конференций, проходивших в Семхозе. А. Руфимский вспомнил о своей первой встрече с о. Александром Менем в 1983 г. – знакомая указала ему на священника и сказала ёмкое: «Иди к нему под благословение. Он ответит на все твои вопросы». Свою выставку фотохудожник расценивает как «визуальный ряд церковно-исторического исследования о людях, близких по духу о. Александру Меню».

Во второй половине дня митрополит Ювеналий открыл инициированную им 10 лет назад конференцию «Меньевские чтения», которая в этом году озаглавлена так: «Вспоминая итоги пастырского пути. К 80-летию со дня рождения и к 25-летию со дня убиения протоиерея Александра Менья».

*Юлия Зайцева,
Благовест-инфо*

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР БЫЛ ПОИСТИНЕ ПРОРОКОМ НОВОГО ВРЕМЕНИ И ПРЕДВЕСТНИКОМ ЕВАНГЕЛИЗАЦИИ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, ЕВАНГЕЛИЗАЦИИ, КОТОРАЯ СООТВЕТСТВУЕТ НАЗРЕВШИМ ПОТРЕБНОСТЯМ И ЧАЯНИЯМ ПРАВОСЛАВНОГО НАРОДА.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ – ОДИН ИЗ ЯРЧАЙШИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ И ПОДВИЖНИКОВ (В САМОМ ШИРОКОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА!) РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА. ДЛЯ СПАСЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ИЗ ЛАП ТОТАЛИТАРНОГО МЫШЛЕНИЯ И ТОЙ ДУХОВНОЙ ДУШЕГУБКИ, В КОТОРОЙ МЫ ЖИЛИ В ЭПОХУ БЕЗРАЗДЕЛЬНОГО ГОСПОДСТВА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И КАГЕБЕШНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ВСЕМ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО В НАШИХ ДУШАХ, МАЛО КТО СДЕЛАЛ ТАК МНОГО, КАК АНДРЕЙ САХАРОВ, АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН, АКАДЕМИК ДМИТРИЙ ЛИХАЧЁВ И ОН, ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ. ИМЕННО ЭТИ ЧЕТЫРЕ ЧЕЛОВЕКА, ОЧЕНЬ РАЗНЫЕ И СОВЕРШЕННО НЕПОХОЖИЕ ДРУГ НА ДРУГА, В СУЩНОСТИ, ПОСВЯТИЛИ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ТОМУ, ЧТОБЫ МЫШЛЕНИЕ ИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ БЫЛО СВОБОДНЫМ, ЧТОБЫ ВСЕ МЫ МЫСЛИЛИ НЕ СТЕРЕОТИПАМИ И ГОТОВЫМИ КЛИШЕ, А ТВОРЧЕСКИ ОСВАИВАЛИ ТО, ЧТО НАС ОКРУЖАЕТ, ЧТОБЫ В КОНЦЕ КОНЦОВ МЫ НЕ БОЯЛИСЬ СКАЗАТЬ ИЛИ СДЕЛАТЬ ЧТО-ТО НЕ ТАК, КАК ЭТО ПРИНЯТО, ПОЛОЖЕНО, УСТАНОВЛЕНО. И ВООБЩЕ – ЧТОБЫ МЫ НЕ БОЯЛИСЬ. ОДИН СОВРЕМЕННЫЙ КУЛЬТУРОЛОГ СКАЗАЛ КАК-ТО, ЧТО ЭТА РАБОТА БЫЛА СВОЕГО РОДА «РАСЦЕМЕНТИРОВАНИЕМ МОЗГОВ», КОТОРЫЕ У ПОДАВЛЯЮЩЕГО БОЛЬШИНСТВА ИЗ НАС БЫЛИ КРЕПКО-НАКРЕПКО ЗАЦЕМЕНТИРОВАНЫ СОВЕТСКИМ СТРОЕМ И МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ. ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ИМЕННО ЭТИМ И ЗАНИМАЛСЯ ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ.

О. ГЕРГИЙ ЧИСТЯКОВ

Михаил Мень: Новаторам всегда сложно

— *Михаил Александрович, как получилось, что вы, будучи воспитанным в церковной семье с такими традициями – катакомбных общин, диссидентских кругов – стали государственным чиновником? Довольно неожиданный поворот, если смотреть со стороны.*

— Старшие, в том числе родители, всегда отмечали у меня способности объединять вокруг себя сверстников, но для сына священника сделать государственную карьеру было немыслимо, поэтому я и не готовил себя к ней.

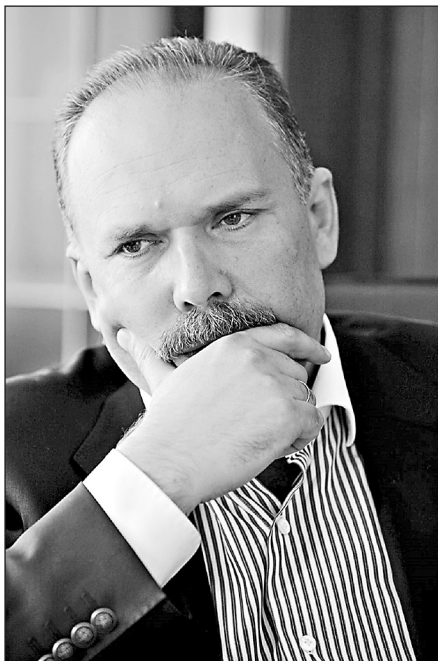
Я и комсомольцем не был, и в партию, естественно, не собирался вступать, это было априори ясно. Несколько лет проучившись в техническом вузе, я его бросил и перешёл в вуз гуманитарный, потому что в творческой профессии вольнодумства было больше, пространство для манёвра шире, были какие-то перспективы.

А потом время изменилось, произошли революции, и в декабре 93-го я решил баллотироваться в депутаты Московской областной думы. Это ещё не было осознанным решением, что я свою жизнь свяжу с политикой, просто у меня был ряд идей, которые хотелось бы воплотить в жизнь, в том числе и строительство храма на месте гибели отца. Я очень люблю родной город Сергиев Посад, мне хотелось что-то для него сделать – такие у меня были узкомуниципальные стремления.

А потом я просто почувствовал, что это моё, что я смогу на этом поприще принести пользу обществу. Так что всё очень просто, и если бы я родился лет на тридцать позже, то, может быть, изначально бы готовился к такой карьере. Но мне кажется всё-таки, что карьеру политика, управленца не делают как-то осознанно, специально, это стечение обстоятельств и определённых черт характера.

— *А насколько у вас в семье чувствовалось вот это наследие подпольных общин, катакомбной церкви? Вы много общались с бабушкой со стороны отца? Она что-то рассказывала?*

— С бабушкой, Еленой Семёновной, у меня были совершенно от-

дельные отношения. Она очень серьёзно повлияла на мое воспитание. Я каждое лето ездил к ней на дачу в Подмосковье, проводил там по месяцу. Она очень много рассказывала и очень повлияла на моё формирование как личности.

Теперь, по прошествии многих лет, я с уважением вспоминаю позицию отца: он всегда старался мне говорить правду. Хотя это было небезопасно, ведь любой молодой человек, а тем более ребёнок, юноша может, где надо и где не надо, рассказывать эту правду. Но он считал, что риск оправдан. И, конечно, это тоже формировало мою личность в те годы, потому что мне в школе говорили одно, а дома другое.

Я сопоставлял эти вещи, и как-то рано научился если и спорить с учителями, то осторожно, чтобы не подставить свою семью, потому что всем было очевидно, где я всего этого мог послушаться.

— *А связь с дореволюционной жизнью, с гонениями 30-х годов – это как-то чувствовалось? Надежда Яковлевна Мандельштам у вас жила...*

— Конечно, о Надежде Яковлевне у меня самые тёплые воспоминания, она действительно гостила у нас на даче несколько лет и всегда любила со мной общаться. Я с удовольствием выполнял её маленькие просьбы и поручения: бегал в магазин поку-

пать ей «Беломор» – она курила «Беломор» и на меня это производило серьёзное впечатление, всё-таки папиросы были мужские. В музее отца есть радиоприёмник, который подарила ему Надежда Яковлевна, она слушала различные «голоса» у нас в Семхозе, сидя на террасе.

Я уже с юных лет понимал, что есть некая официальная жизнь, официальная школа, официальная пропаганда, телевидение и так далее, а есть нечто другое, то, что существует вокруг моего отца, вокруг его друзей, знакомых, нашей семьи. И это, конечно, осложняло мою жизнь, но и давало возможность раздумий, понимание того, что мир не чёрно-белый.

— *Вам доставалось внимание отца? Ведь он был так занят: и прихожане, и кружки, и книги он писал. Вы его не ревновали к этой бурной жизни?*

— Нет. Дело в том, что отец был мастером по управлению своим временем, у него всё было чётко расписано. С детства он меня приучил к тому, что я должен вести еженедельник. Сейчас это, конечно, всё в электронном виде, но я всю жизнь веду еженедельник, у меня каждый час времени расписан – это воспитание моего отца.

Он мне всегда говорил, что время – это конь, который несётся стремглав вперед, а часы на твоей руке – это вожжи, которыми ты управляешь этим конём. И он очень рано подарил мне часы – часы моего прадеда.

У отца хватало времени на общение со мной и моей сестрой. Когда мы были маленькими, он нам читал вслух – это было любимое занятие. Мы оба с сестрой были читающие, но это совершенно разные конфигурации: одно дело читать самому, другое дело, когда отец читал нам вслух с комментариями, мы могли задать вопросы и так далее. Он находил для этого возможность.

Конечно, в последние годы, когда мы уже были взрослыми и старались минимально его загружать, уже не было общения в прежнем объёме, но всё же раз в неделю я старался находить время, чтобы приезжать в Семхоз пообщаться с родителями. А в детстве я, несмотря на загружен-

ность, абсолютно не замечал, чтобы он не уделял внимания своей семье, детям.

— *А у вас получается своим детям читать, общаться с ними, традиция продолжается?*

— Чтение у нас — прерогатива жены, она любит с детьми читать. Мы с детьми смотрим кино, я им обязательно даю комментарии, что-то рассказываю, и мы с ними обязательно занимаемся спортом: плаваем, катаемся на лыжах, ходим в лес, ездим на квадроциклах. То есть наше общение немного в других формах, в современных.

— *У отца Александра было целенаправленное воспитание, педагогические приёмы или просто жили вместе семьёй?*

— Мне запомнилось, что он никогда не навязывал свою точку зрения, но всегда мягко подводил к ней. Я потом уже, вспоминая, осознаю, что это было сделано педагогически мастерски. Он никогда не говорил: «нет, надо не так, а вот так». Он говорил: «ну, ты смотри повнимательней, прочти статью в журнале». То есть подводил всегда к тому, чтобы и у меня, и у моей сестры была сформирована точка зрения на основе той информации, которую он рекомендовал, а не впрямую полученная установка от отца, который, безусловно, был для нас авторитетом.

Это ключевой момент, и я сейчас тоже стараюсь так делать, хотя это сложно, всегда хочется просто сказать, как правильно — это быстрее и эффективнее. Но так придётся делать каждый раз, а если ты ребёнка подвёл, и он осознал, сам вышел к решению, это, конечно, надёжнее и дорогого стоит.

— *Отец Александр переживал, когда его в конце 80-х начали обвинять в обновленчестве, «ереси экumenизма», религиозном синкретизме? Как он вообще относился к такому брожению в конце 80-х — начале 90-х?*

— Конечно, переживал по этому поводу, но он жёстко стоял на своей позиции. Он прекрасно понимал, что всё передовое всегда воспринимается очень сложно.

Напомню один случай: отец был первым священником, который выступил по телевидению. Это произвело эффект разорвавшейся бомбы: человек в рясе, с бородой и крестом вдруг вышел на телевидение. И что интересно, это вызвало очень пози-

тивную реакцию у телезрителей, но и серьёзную критику со стороны коллег, некоторых консервативных священников. Говорилось о том, что священник не должен использовать современные технологии в проповеди, а должен вещать только с амвона храма.

Но сейчас очевидно, что отец-то оказался прав. Сейчас мы видим блестящие выступления Святейшего Патриарха по федеральному телевидению, мы видим, что все региональные епархии используют социальные сети, а не только издательское дело.

Новатору всегда сложно, но тем и отличается новатор, что он, несмотря на определённые упреки, сопротивление консервативной части аудитории, всё равно продолжает вести свою линию, если убеждён в своей правоте.

Он прекрасно понимал, что если людей начать просто заталкивать в Церковь, они там ничего не поймут после 70 лет советской власти. Во второй половине 80-х годов, когда произошло ослабление гнёта, многие стали смотреть на Церковь как на некий этнографический музей. А он пытался, и достаточно успешно, понятным языком рассказывать о том, что такое вечные вопросы и какие есть в Евангелии на них ответы.

— *После ухода отца Александра, как всегда бывает, когда уходят из жизни люди значимые, стали делить его наследие. Обострились противоречия внутри общины, некоторые вообще декларативно ушли из Церкви, потому что без отца Александра всё для них потеряло смысл.*

Кто-то стал себя записывать в его лучшие друзья. Насколько для семьи это было болезненно, и как сейчас, спустя 25 лет, на это можно посмотреть? Какой итог того, что стало с общиной отца Александра, когда она после него прошла через это всё?

— Вы совершенно правы в том, что после кончины любого серьёзного общественного деятеля, лидера общественного мнения, всегда возникают разные круги на воде.

Сегодня можно смело говорить о том, что есть несколько приходов — не один, а несколько — которые сориентированы на наследие отца

Александра. Это и приход Космы и Дамиана в самом центре Москвы, и приход в Новой Деревне и, конечно, приход в микрорайоне «Семхоз» Сергиева Посада, в храме преподобного Сергия Радонежского, который построен на месте гибели отца. Там же рядом действует культурно-просветительский центр, муниципальный, который носит имя отца.

Помогая этому храму и культурному центру, я представлял себе, как отец мечтал создать вот такую мощную базу, чтобы были разные залы для дискуссий, для проведения мероприятий, чтобы всё это было вместе с Церковью. Он даже в новодеревенском храме, в маленькой сторожке умудрялся проводить встречи малых групп и так далее. И мне кажется, что это лучший ему памятник.

Сегодня наследие отца, как мне кажется, сформировано. Очень важно, что есть благословение Святейшего Патриарха Кирилла на издание полного 15-томного собрания

сочинений отца Александра, и эта работа началась. Я надеюсь, что мы 9-го сентября уже увидим первый том этого собрания сочинений.

— А семья как к этому всему относится? Часть жизни отца Александра была связана с миссионерской, общественной деятельностью, и была часть семейная, совершенно другая. И сейчас то же с этим наследием: с одной стороны, у вас там и культурный центр, и храм, и парк, и люди приезжают, паломники даже остаются, там есть где переночевать. А с другой стороны, там продолжает жить ваша мама, там же рядом дом, частная жизнь...

— Нам удалось как-то склеить эти два элемента. Моя мама работает старостой храма Космы и Дамиана, то есть проводит минимум три-четыре рабочих дня в Москве, а остальное время живёт в Семхозе. Конечно, в том доме, где живёт мама и долгие годы прожил отец, есть мемориальный кабинет, и мы не можем себе позволить постоянно туда организовывать экскурсии, потому что это действительно для мамы утомительно. Но по договорённости с ней есть всё-таки возможность какие-то специальные группы в выходные дни туда проводить.

— Ваши дети — люди другого поколения, не застали всего позднесоветского, включая атмосферу. Как они воспринимают, для них это уже немножко мифологизировано?

— Для маленьких детей — поскольку у меня детей много, есть и постарше, и помладше, — это известный дедушка, которого они знают, о котором они читали, слышали от меня, мамы, бабушки. Мы видим, что не всегда наследие известных людей сберегает семья, но нам удалось всё-таки сделать так, чтобы это стало отчасти семейным делом.

Мы работаем вместе с духовными чадами отца, дружно, и получается, что мама работает старостой храма Космы и Дамиана, мой двоюродный брат, с которым мы практически вместе воспитывались, протоиерей Виктор Григоренко, — настоятель Сергиевского храма в Семхозе, и как раз курирует весь этот мемориальный комплекс. Все духовные чада отца, у кого есть желание, силы, возможности, к нам приезжают и энергично помогают. Мне кажется, здесь всё как-то состоялось.

— А вы не боитесь излишней архаизации, музеефикации всего этого? Ведь у отца Александра всё было живое, всё нацелено на общение с конкретными людьми, с их потребностями, вопросами, страхами, с живой жизнью во Христе. Есть риск заморозить, засушить...

— Безусловно, но избежать этого можно очень просто: чтобы церковное, богословское наследие развивалось на шаг впереди, нежели какие-то музейные вещи, которые очень

важны с точки зрения привлечения молодёжи, для того чтобы они поняли, кто такой отец Александр.

Но, конечно, важнее всего, чтобы в этих храмах продолжалась церковная жизнь и издательское дело. А мемориальный комплекс, музей необходимы для привлечения новых молодых людей, которые сейчас привыкли многое воспринимать визуально — это другое поколение, и это очень важно.

— Книги — это, конечно, хорошо, должен быть какой-то корпус наследия, но сейчас в основном люди пользуются различными современными технологиями, в том числе цифровыми. Как можно это совместить, транслировать?

— Актёр Сергей Юрский, который был дружен с отцом, записал аудиокнигу «Спаситель» на базе «Сына Человеческого». Я сам — фанат аудиокниг, я полностью перешёл на этот формат. Поскольку я немного занимался издательским бизнесом, я люблю книгу как таковую, саму по себе, как произведение искусства, но в силу занятости я перешёл на аудиокниги. Машина, самолёт, — я использую любую воз-

можность, у меня полный телефон книг, сейчас не надо диски с собой возить — берёшь наушники и получаешь всю информацию.

Поэтому мы хотели бы систематизировать и всё сделать в будущем в виде аудиокниг. Это следующая задача после того, как выйдет собрание сочинений.

— А вы продолжаете общаться с тем же Юрским, чадами отца Александра, близкими, друзьями, или у вас совсем нет на это времени? Осталась эта общность?

— Мы очень много и плотно общались с Катей Гениевой, Царство ей Небесное, она, конечно, делала великое дело, для того чтобы память об отце Александре была жива, чтобы развивалось его церковно-богословское наследие. И мы в этой беседе, конечно, не можем её не вспомнить.

Библиотека иностранной литературы — то место, где отец начинал читать первые публичные лекции. Именно через библиотеку и через ежегодную подготовку мероприятий девятого сентября я, конечно, поддерживаю со всеми связь. Конечно, я сохраняю общение с

духовными чадами отца. Так как у меня очень мало времени, связующим звеном выступает отец Виктор, мой двоюродный брат и настоятель храма в Семхозе.

Много людей приезжает именно в Семхоз, это место стало паломническим маршрутом, есть даже выражение «съездить на тропинку». Имеется в виду та тропинка от дома к станции, по которой отец ходил каждый день, и на которой его убили.

— У вас получилось создать в Семхозе церковный культурный центр. Таким образом, облагораживается и пространство вокруг: была не самая благополучная окраина Сергиева Посада, довольно страшное место, а сейчас его окультурили. На ваш взгляд, это вообще жизнеспособная форма влияния Церкви в обществе, когда снизу что-то прорастает — есть активный приход, ядро, а вокруг него обустраивается и жизнь в районе, селе, городе. Что в Семхозе изменилось и почему?

— Вообще у этого микрорайона, который раньше был отдельным населённым пунктом, есть трагедия, потому что там закрылся племен-

ной птицефабрика, который был базой микрорайона. И этот совхоз был миллионером, там всё динамично развивалось, но потом прекратило своё существование, и до сих пор, к сожалению, находится в упадочническом состоянии.

Безусловно, неким якорем стал этот храм и культурный центр. Постепенно вокруг него всё начало преобразовываться. Здесь и районные власти, и московские областные власти подключились, именно понимая, что это якорь, точка роста. Постепенно пошло благоустройство населённого пункта. Облагораживают пруд, делают небольшую набережную, лавочки, фонари, несколько детских площадок.

— *То есть им приходится шевелиться? Иначе контраст будет очень заметен?*

— Да, именно. Мы, когда я был губернатором, это в Иванове проходили: делаешь что-то одно, и всё — уже планка высокая, и тогда муниципальные и частные инициативы стараются тоже выходить на такой же уровень. Иначе для местной власти это будет очень серьёзным негативом, потому что люди видят, где всё ухожено, а где неухожено. Это важный момент для развития.

— *В других местах я тоже вижу, что если есть активный энергичный священник, который привлекает людей, построил культурный центр, школу, устраивает чаепития, людям есть, куда прийти, постепенно радиус всё увеличивается...*

— Конечно! Опять вернусь к своему региональному опыту. В Иванове есть такой квартал «Московский», который мы закладывали ещё с Лужковым в своё время, и там очень активный батюшка, отец Андрей, сын адвоката Генри Марковича Резника. У него сначала деревянный храм был, небольшой, а сейчас близится к завершению строительство большого каменного храма.

У него очень активный приход, прекрасная территория с детскими

площадками, даже сценическая площадка есть, дети устраивают концерты на разные праздники. И это очень влияет и на имидж квартала «Московский», и на обстановку. Яркий пример того, что приход может влиять на развитие территории муниципалитета, района. Так что это действительно работает.

— *Теперь, когда вы стали государственным чиновником, отвечаете за такую непростую тему как ЖКХ, ваша церковная жизнь от*

— *Соловки — это такая сложная тема...*

— Очень сложная, но мне она нравится, я летал туда пару раз.

— *А вы не боитесь, что там всё будет испорчено?*

— Такие вещи как водоснабжение и водоотведение должны быть сделаны, если мы хотим, чтобы туда приезжали и туристы, и паломники. Мы обсуждали, что будет с электроэнергией. Кто-то предлагал поставить ветряки, экологически

чистый проект, но он никак не вписывается в образ Соловков, потому что мы их нигде не спрячем. Здесь много очень серьёзных задач. Но водоснабжение должно быть — и ЮНЕСКО не будет против подземных коммуникаций.

— *Вернемся к вопросу о том, как вы сочетаете взаимодействие с церковными структурами по долгу службы и свою частную церковную жизнь?*

— Что касается моей частной церковной жизни, то я её совершенно отделяю от своей работы. Например, я совсем не

давно встречал Святейшего Патриарха в Плесе. Плес — самый маленький город России, который восемь лет я обустроивал, будучи губернатором Ивановской области. Там все храмы восстановлены, восстановлен знаменитый храм, с которого Левитан писал эскиз к картине «Над вечным покоем».

Это одна тема, а вторая тема — это моя частная жизнь: я езжу в храм преподобного Сергия Радонежского в Семхозе, помогаю там отцу Виктору, прислуживаю в храме, причащаюсь, исповедуюсь, вожу детей туда — это моя частная жизнь. Я стараюсь никогда не смешивать одно с другим, считаю это неправильным.

Беседовала Ксения Лученко.

9 сентября 2015 г.

Источник:

<http://www.pravmir.ru>

О. Александр Мень с семьёй

этого страдает? С вами же теперь епископы, священники, наверное, иначе общаются? Официальные связи, которые вы вынуждены поддерживать, и ваша частная церковная жизнь — как вы это совмещаете?

— Ну, во-первых, со Святейшим Патриархом Кириллом у меня давние, многолетние хорошие отношения, и сегодня я активно помогаю Церкви по ряду проектов, которые касаются непосредственно моей сегодняшней деятельности. В том числе наше министерство очень активно занимается Соловками. Это важная тема, мы недавно со Святейшим Патриархом встречались, обсуждали, наметили определённые планы. В зоне нашей ответственности лежит водоснабжение, водоотведение основного острова. Есть и другие серьёзные инфраструктурные проблемы, которые мешают развитию...

Международная конференция «Протоиерей Александр Мень: послание XXI веку»

Международная конференция «Протоиерей Александр Мень: послание XXI веку» состоялась 8 сентября в Москве, во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино (ВГБИЛ). Накануне 25-й годовщины мученической гибели пастыря форум собрал участников из 8 стран мира, в том числе – из Германии, Великобритании, Франции, Италии, США, представителей разных религий и конфессий. Ежегодная мемориальная конференция впервые прошла без Екатерины Гениевой (1946–2015) – директора ВГБИЛ, духовной дочери о. Александра Менья

Молитвенное поминовение убиенного протоиерея возглавил митрополит Калужский и Боровский Климент, председатель Издательского совета Русской Православной Церкви. Гостей приветствовал новый директор ВГБИЛ Вадим Дуда, который стал также соведущим первой части форума

«Протоиерей Александр Мень был одним из выдающихся пастырей Русской Православной Церкви XX века, обладавшим многими дарованиями и все их направившим на служение Церкви», — сказал в своем приветственном слове митрополит Волоколамский Иларион, глава Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. Он воздал должное заслугам Екатерины Гениевой в сохранении литературного наследия о. Александра Менья и выразил надежду на то, что вечера памяти пастыря и конференции, посвященные ему и его наследию, и впредь будут проводиться в стенах «Иностранки», как называл он ВГБИЛ.

Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий также прислал на конференцию свое приветствие, в котором он пишет: «Пастырский путь прот. Александра Менья достоин того, чтобы его изучать. В нем мы видим священнослужителя, ревностно исполнявшего свой долг просветителя и проповедника».

Теплые слова об о. Александре Мене прозвучали также в приветствии Михаила Швыдкого, спецпредставителя Президента РФ по международному культурному сотрудничеству. Посол Республики Чили в РФ Хуан Эдуардо Эгигурен вспоминал о том, какое сильное впечатление на него произвело посещение вместе с Е. Гениевой подмосковного Семхоза, где жил и погиб о. Александр Мень. «В тяжкие советские времена о. Александр был путеводной звездой для тех, кто блуждал в тумане... Россия может гордиться тем, что у нее были такие граждане», — сказал дипломат.

Германия – первая страна, которую о. Александру Менью разрешено было посетить в годы перестройки. В послании посла ФРГ в РФ Рюдигера фон Фрича было отмечено, что о. Александр – «ведущий богослов XX века, который известен далеко за пределами Рос-

сии», подчеркнута роль его наследия в развитии диалога культур, религий и цивилизаций.

О значении личности и книг о. Александра Менья в межконфессиональном и межрелигиозном диалоге говорили архиепископ Павел Пецци, ординарий архиепархии Божией Матери в Москве (Римско-Католическая Церковь), представитель председателя Духовного управления мусульман РФ Равиля Гайнутдина, раввин Зиновий Коган, вице-президент КЕРООР.

Первая часть конференции завершилась презентацией первого тома 15-томного Собрания сочинений прот. Александра Менья. Этот масштабный проект реализуется по благословению Патриарха Кирилла Издательством Московской Патриархии. Первый том, в котором переиздана самая известная книга о. Александра – «Сын Человеческий», представили митрополит Калужский и Боровский Климент, главный редактор Издательства Московской Патриархии протоиерей Владимир Силовьев, ответственный редактор «Журнала Московской Патриархии» Сергей Чапнин и главный научный сотрудник ВГБИЛ Евгений Рашковский, автор предисловия к первому тому.

Первая секция форума была посвящена теме «Духовное наследие о. Александра Менья». Ее ведущий – протоиерей Борис Даниленко, директор Синодальной библиотеки Московского патриархата, рассказал о своих личных встречах с о. Александром и о заочных – с его книгами и отметил: «Его нельзя воспринимать иначе, как святого нашего времени».

Протоиерей Александр Борисов, настоятель храма свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине, выступил с докладом «О пастырской педагогике о. Александра Меня», в котором обильно цитировал те фрагменты из книги своего старшего друга и крестного «Почему нам трудно поверить в Бога», которые сейчас звучат наиболее актуально. Докладчик подчеркнул абсолютную христоцентричность жизни и проповеди о. Александра Меня, который говорил: «Христианство – это во-первых, во-вторых и в-третьих – Христос».

Протоиерей Виктор Григоренко, настоятель Сергиевского храма, построенного на месте гибели о. Александра Меня, говорил о цельности его личности, для которой безусловным приоритетом было священническое служение. По словам о. Виктора, на эту цельность посягают те, кто пытается представить о. Александра в первую очередь диссидентом и церковным оппозиционером. Однако он не был ни тем, ни другим, хотя «принимал всех приходящих к нему, в том числе – диссидентов». «Мне достаточно возможности проповеди с амвона», – говорил о. Александр. Версию о его противостоянии священноначалию о. Виктор опроверг, процитировав неопубликованные архивные документы: письма о. Александра архиереям и их отзывы о нем.

Иеромонах Иоанн (Гуайта) считает тему «времени как философской категории» одной из центральных в богословии о. Александра Меня. Время в данном случае – не отвеченное понятие: о. Александр многократно говорил, что христианство – это не религия прошлого. Христианин, считал он, устремлен к будущему (эсхатон), но не бежит от настоящего. Ученик Христов «предвкушает вечность, т.е. переживает то состояние по ту сторону времени, в котором прошлое настоящее и будущее соединяются». С этой концепцией связано и богословское обоснование «творчества как христианской деятельности», как показал о. Иоанн.

Джованна Парравичини, атташе по культуре Посольства Святого Престола в РФ, представила фрагменты выступлений о. Александра в Италии в ноябре 1989 г. Прекрасного качества аудиозаписи позволили услышать живой голос пастыря, который рассказывал итальянцам об уникальном и трагическом опыте Русской Церкви, об уроках, которые может извлечь человечество из этого опыта, и о том, с какими трудностями связано возрождение Церкви в обновленной России. Комментируя слова о. Александра, Дж. Парравичини отметила, с одной стороны, трезвый и точный анализ проблем, а с другой – его оптимизм, основанный на вере в милосердие Божие, человека и его разум. В Италии о. Александр говорил также о диалоге и сближении западной и восточной традиций, и в этой стране его воспринимают как «человека неразделенной Церкви», как «своего святого, который помогает нам (итальянцам – ред.) идти ко Христу».

Мигель Паласио, сотрудник Общецерковной аспирантуры и докторантуры, никогда не видел о. Александра, но он поделился своим опытом духовной встречи с ним, которой во многом способствовала Е.Ю. Гениева.

На второй секции «Протоиерей Александр Мень и мировая культура» выступили, главным образом, гости из-за рубежа. В ряде докладов о. Александр Мень сопоставлялся с известными духовными деятелями.

Так, Катажина Пелчинска-Налэнч, посол Республики Польша в РФ, видит много общего в служении о. Александра и ксендза Ежи Попелушко. «Людьми совести» называл таких людей папа Иоанн Павел II; они, по мнению докладчицы, оставили миру «послание к диалогу».

Посвятив свой доклад «универсализму» отца Александра, Ив Аман, профессор Университета Париж X – Нантер (Франция), председатель Международного Попечительского совета ВГБИЛ, автор известной книги об о. Александре Мене, раскрыл понимание христианства как «миссионерской религии, основанной на динамизме Благой вести». Такой подход, позволяющий точно отвечать на вызовы современности, был свойствен о. Александру, а сейчас им руководствуется Папа Франциск, полагает Ив Аман. «Сейчас у православных, католиков, протестантов во многом сходные проблемы. ...То, о чем говорит Папа Франциск, о. Александр давно проводил в жизнь. Поэтому для христиан других конфессий так важно ознакомиться с его пастырским наследием», – подчеркнул докладчик.

Профессор кафедры славянских литератур Кембриджского университета Ирина Кириллова посвятила свое выступление памяти Е. Гениевой, которая «завещала» ей тему «Протоиерей Александр Мень и митрополит Антоний Сурожский: пастыри XXI века». Будучи духовной дочерью митрополита Антония, И. Кириллова рассказала много новых эпизодов, раскрывающих его пастырский опыт. Она находит множество неслучайных параллелей и «мистическую связь» между жизнью и служением митрополита Антония и о. Александра. Оба они были «сосредоточены на Христе», на взаимоотношениях Бога и человека, оба не избегали «Голгофы современности». Эти и многие другие фундаментальные качества роднят двух людей, которые встретились лишь однажды.

«Прощение и взаимопонимание» – эти два понятия были «жизненной директивой» для о. Александра и Е. Гениевой, считает д-р Эрнст-Йорг фон Штудниц, Чрезвычайный и Полномочный Посол ФРГ в Российской Федерации (1995–2001), почетный председатель Германо-Российского Форума, лауреат Премии имени отца Александра Меня. Два эти слова стали ключевыми в его докладе, посвященном мировоззрению и жизни пастыря.

Уоллес Дэниел, профессор Университета Мерсер (Джорджия, США), автор книги об о. А. Мене, сделал сообщение «Отец Александр Мень: жить в многоликом мире». Он отметил преемственность «модели», созданной о. Александром, и деятельности свв. Алексиса и Сергия Мечевых и возглавляемой ими «маро-сейской общины» в первой половине XX века. Докладчик также размышлял о том, на чем сосредоточены современные христиане, каково место Церкви в мультирелигиозном и многонациональном мире и т.д.

Гостья из Болгарии – Валентина Велинова-Кантарджиева, председатель Енорийского центра «Святой Горазд» в Софии, рассказала о том, как воспринимается наследие о. Александра Меня в Болгарии, какие его книги читают и переиздают в этой стране.

Конференция завершилась кратким подведением итогов.

Юлия Зайцева, Благовест-инфо

«Мы в семинарии прочитывали книгу о. Александра Меня от корки до корки несколько раз»

Председатель Издательского совета Русской Православной Церкви митрополит Калужский и Боровский Климент познакомился с книгами протоиерея Александра Меня еще во время учебы в духовной семинарии. Переведенная теперь на 38 языков, известная почти во всем мире книга «Сын Человеческий» в 60–70-е годы распространялась в самиздатских машинописных копиях. Митрополит Климент вспоминал о том, насколько востребована была эта книга в среде семинаристов.

Об этом он рассказал 8 сентября на презентации первого тома 15-томного Собрания сочинений о. Александра Меня, которая состоялась в рамках международной конференции «О. Александр Мень – послание XXI веку». В первый том вошел именно «Сын Человеческий»

«Когда эта книга вышла в Брюсселе (о. Александр Мень тайно переправлял свои рукописи в Брюссельское издательство «Жизнь с Богом», где они выходили под псевдонимами – *прим. ред.*), я поступил в семинарию, – вспоминал митрополит Климент. – Этого издания я сначала не видел, по рукам ходила машинописная копия. Мне было очень интересно ее читать, мы, студенты, часто обращались к этой книге. Тем более что преподаватели задавали нам сочинения по предмету «Новый Завет», а книги в семинарской библиотеке были, в основном, XIX века, других тогда не было. Нам нужно было что-то новое, свежее. И мы прочитывали «Сына Человеческого» от корки до корки и несколько раз». Брюссельское издание этой книги в семинарской библиотеке тоже было, но для знакомства с ним требовался особый допуск. Будущему митрополиту удалось прочитать это издание в «спехране» позже, когда он работал в библиотеке Московской духовной академии.

Председатель Издательского совета вспоминал также, что в советские годы он привозил по несколько экземпляров книги «Сын Человеческий» из заграничных командировок. Он в лицах изложил диалог с отечественным таможенником, который заинтересовался книгами о. Александра и фактически выпросил себе один экземпляр. «Я был уверен – если эти книги и изымали, их не сжигали, их читали, дарили», – сказал митрополит Климент.

Он не сомневается, что книга о. Александра Меня была интересна и важна не только в те годы. Она не менее актуальна сегодня: «Она написана простым языком для тех, кто не знаком с Евангелием. Она вводит человека в понимание той эпохи, в которой жил Христос. Для меня это пример того, как надо излагать евангельские истины, чтобы человек почувствовал, что Евангелие относится

непосредственно к нему». По словам митрополита, он в отрочестве много раз читал Евангелие: «Я его знал. Но понимание пришло, когда я прочел «Сына Человеческого»... Эта книга показала реальность евангельских событий, показала, что Христос – это не миф, не выдумка». Глава Издательского совета уверен, что труды о. Александра Меня «послужат той дорогой, которая приведет к Богу еще многих людей».

Главный редактор Издательства Московской Патриархии протоиерей Владимир Силоньев уже рассказывал публично о той важной роли, которую сыграла в его духовной жизни книга «Сын Человеческий». Говоря о перспективах нового издательского проекта, который предпринят по благословению Патриарха Кирилла, о. Владимир отметил, что пока запланировано 15 томов, но не исключено, что их будет больше. Он полагает, что в Собрание сочинений о. Александра Меня надо включить не только уже опубликованные его труды, но и те лекции, проповеди, выступления, что еще будут обнаружены и расшифрованы. По мнению о. Владимира, нужно изложить на бумаге даже те небольшие, но чрезвычайно ценные реплики о. Александра, которые включены в фильм М. Калика «Любить». Священник даже продемонстрировал один такой фрагмент со своего планшета. «Возможно, эта часть наследия о. Александра тоже войдет в Собрание сочинений. Это могучее наследие выдающегося пастыря XX века», – сказал руководитель Издательства Московской Патриархии.

Духовный сын и друг о. Александра, историк, поэт и библиист Ев-

гений Рашковский написал объемное биографическое предисловие к первому тому Собрания сочинений. На презентации он выступил с сообщением «Интеллектуальный подвиг о. Александра Меня». «С первых дней общения с о. Александром (а Е. Рашковский был рядом с ним 22 года – *прим. ред.*) я почувствовал, что передо мной человек огромной внутренней святости и мыслительной силы», – сказал докладчик. Подлинный масштаб личности пастыря «был удостоверен мученической кончиной». Трудно кратко определить содержание идей о. Александра. Е. Рашковский сказал так: «Глубочайшее знание Священного Писания и церковного Предания совместились в нем со знанием современных достижений естественных и гуманитарных наук, со знанием прошлой и текущей истории – и все это было... переплавлено во внутреннем опыте православного священника – в его трудах у алтаря, в интенсивном, любовном и отзывчивом общении с людьми, в созидании церковной и культурной жизни, в созидании человеческих душ». Такой интеллектуальный подвиг возможен был только в «живом общении со Христом», уверен Е. Рашковский. Поэтому и наследие о. Александра воспринимается не как «догматическое назидание», но как «живое собеседование с каждым из нас».

Юлия Зайцева. Благовест-инфо.

Отец Александр Мень и Папа Франциск: неслучайное совпадение

Много общего находит в миссионерской проповеди Папы Франциска и протоиерея Александра Меня (1935–1990) французский историк, профессор Университета Париж X – Нантер Ив Аман. Эти пастыри не были знакомы, они удалены друг от друга профессионально, хронологически, исторически; «тут не может быть и речи о взаимном влиянии», но эти совпадения не случайны. Эту тему И. Аман раскрыл на международной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения и 25-летию со дня гибели о. Александра Меня.

Ив Аман хорошо знаком с наследием подмосковного пастыря – вскоре после его убийства он написал книгу «Отец Александр Мень – Христов свидетель в наше время». По словам профессора, о. Александру было свойственно понимание христианства, которое сформулировал Сергей Аверинцев: «Современная эпоха дает шанс христианству как миссионерской религии, как религии новых обращенных, как религии, основанной на динамике Благой вести».

«Динамизм Благой вести» подразумевает обращенность христиан к будущему, возрастание каждого христианина в Церкви. Докладчик напомнил «знаменитые слова о. Александра, которые он произнес за два дня до гибели, о том, что христианство только начинается». «Да, говорил отец Александр, мы неандертальцы духа. Христианский идеал слишком высок, чтобы человечество им прониклось за два тысячелетия. Это значит, что нам предстоит еще очень долго духовно расти, перед нами еще очень и очень долгий путь, но это путь вперед, а не назад».

Этот динамизм предполагает активную миссионерскую позицию. «О. Александр был именно пастырем-миссионером. Он четко определял задачу миссионера –

помогать людям прийти ко Христу, привлекать людей ко Христу», и в этом смысле в шутку сравнивал себя с акушером, вспоминал Ив Аман.

Он помнит также слова о. Александра о том, что христиане должны со своими неверующими современниками найти общий язык – «не отождествляясь с ними полно-

всего увлекает и притягивает, заставляет сердце гореть, как у учеников из Эммауса, передает новизну и благоухание Евангелия»; «Проповедь Евангелия должна быть простой, глубокой, излучающей свет. Именно из такой проповеди и возникают затем все нравственные наставления»; «Есть соблазн искать Бога в прошлом или в будущем. Бог, конечно, в прошлом, потому что мы можем видеть знаки, которые Он оставил. И Бог также в будущем, как обетование. Но Бог «конкретный», скажем так, пребывает в сегодняшнем дне..., с Ним нужно встречаться не в прошлом или в будущем, а именно сегодня»; «Традиции и память о прошлом должны помочь нам найти в себе мужество, чтобы открыть

Свящ. Виктор Грогоренко и Ив Аман

стью и не отгораживаясь от них стеной архаики. Это значит, что мы должны поставить заново, свежо, как бы открывая это впервые, все те вопросы, которые ставит перед нами Евангелие». И сам священник обладал исключительным умением найти общий язык с любым человеком. Другими словами, он занимался «инкультурацией Евангелия в современную культуру».

«Очень похожую модель предлагает Папа Франциск, у которого был богатый пастырский опыт в Латинской Америке», — продолжил историк. В проповедях понтифика он находит и понимание исторического динамизма христианства, и явный приоритет миссионерской направленности современной Церкви. Ив Аман привел несколько цитат из недавних проповедей Папы Франциска, подтверждающих это. Например: «Церковь должна заниматься самым главным — первым возвещением: «Иисус Христос спас тебя!» Возвещение в миссионерском стиле фокусируется на главном, на необходимом, на том, что больше

новые сферы для Бога».

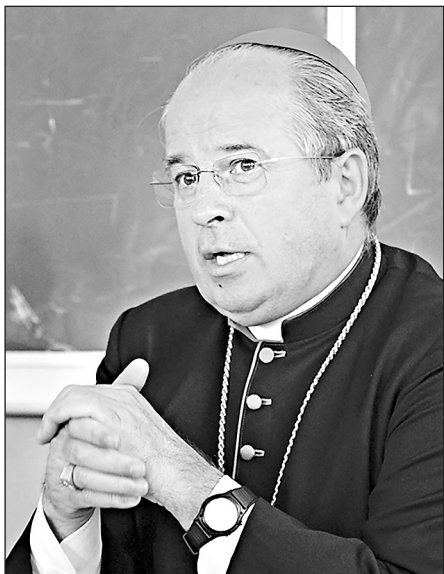
Французского профессора поражают эти совпадения, он поделился с корреспондентом «Благовест-инфо»: «Если не знать, что это сказал Папа Франциск, вполне можно подумать, что это слова о. Александра».

«Здесь не просто случайное совпадение между двумя пастырями, живущими в разной среде. Они отвечают на похожие вызовы времени... По-видимому, определенный водораздел проходит не столько между конфессиями, сколько между разными пониманиями христианства в каждой конфессии — между статичным и динамичным пониманием. То, о чем говорит Папа Франциск, отец Александр задолго до этого проводил в жизнь. Поэтому для христиан других конфессий столь важно ознакомление с подходом отца Александра к пастырству, углубленное изучение его пастырского опыта», — убежден Ив Аман.

Юлия Зайцева,
Благовест-инфо

Наследие о. Александра Меня ценно для верующих других конфессий и для неверующих

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР – ЭТО ОБРАЗ ЛЮБВИ ЖИВОТВОРЯЩЕЙ. ОН ЛЮБИЛ ЧАД СВОИХ, И ОНИ НАХОДИЛИСЬ НЕ ТОЛЬКО ВОКРУГ НЕГО НА РОДИНЕ ЕГО, В РОССИИ МНОГОСТРАДАЛЬНОЙ, НО БЫЛИ РАСКИДАНЫ ПО ВСЕМУ МИРУ. ЕГО ЛЮБИЛИ ТОЙ ЧИСТОЙ, ВОЗВЫШАЮЩЕЙ ЛЮБОВЬЮ, КОТОРОЙ ЛЮБЯТ УЧИТЕЛЯ И ПАСТЫРЯ, И ЛЮБИЛИ ЕГО НЕ ТОЛЬКО ПРАВОСЛАВНЫЕ, НО И ИНОСЛАВНЫЕ, ПОЗНАВШИЕ ВСЮ КРАСОТУ ОБРАЗА ОТЦА АЛЕКСАНДРА – КАК ЧЕЛОВЕКА МИРА, КАК ЛЮБВЕОБИЛЬНОГО ПАСТЫРЯ ДОБРОГО. СИЯНИЕ ПРОНИКНОВЕННОГО ЕГО ПОНИМАНИЯ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА, ЕГО ПАСТЫРСКИЙ ДАР УСМАТРИВАТЬ «ОБРАЗ И ПОДОБИЕ БОЖИЕ» В КАЖДОМ ПРИХОДЯЩЕМ К НЕМУ, НАС ОЗАРЯЕТ ВСЁ ЯРЧЕ.

МИТРОПОЛИТ СУРОЖСКИЙ АНТОНИЙ (БЛУМ)

Наследие протоиерея Александра Меня (1935–1990), значи-

мость самой его личности необыкновенно ценны не только для православных, но для христиан других конфессий, для неверующих во многих странах мира. Так считает архиепископ Иван Юркович, Апостольский Нунций в Российской Федерации. В своем послании, адресованном участникам X Меневских чтений, которые проходят в эти памятные дни в Семхозе под Москвой, он написал: «Все проходит: культуры, цивилизации, традиции. Только Христос остается – «все во всех». Поэтому харизма о. Александра не стареет, не теряет актуальности, наоборот – открывается и для верующих других конфессий, и даже для неверующих».

В приветствии нунция, которое зачитала Джованна Парравичини, атташе по культуре Посольства Ватикана в РФ, отмечается: «Спустя 25 лет с того дня, как завершилась судьба о. Александра на земле, мы с вами можем искренне сказать, что он не переставал жить вместе с нами, не переставал быть добрым пастырем и сопровождать людей на пути ко Христу».

Архиепископ вспоминает, что впервые он приехал в Россию в 1992 г., поэтому не имел возможности лично познакомиться с о. Александром. «Но я всегда ощущал его присутствие в церковной общине – более того, его присутствие в обществе. Могу сказать, что я

знаком с ним, ведь так много людей на вопрос: «Как вы пришли к вере? Как вы встретились с Христом?», мне рассказывали о чтении его книг, о встрече с ним или с его духовными детьми, и рисовали столь живую, трепетную картину, как записывает евангелист тот знаменательный день, когда Иисус обратился к первым ученикам и пригласил их к себе: «Они последовали за Иисусом и увидели, где он живет, и остались с ним до вечера» (Ин. 1: 39)».

Как объяснить особый дар о. Александра, задается далее вопросом автор послания. Ему вспоминаются слова Ириней Лионского: «Слава Бога – живой человек».

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ СТАНОВИЛСЯ ВЫДАЮЩЕЙСЯ ФИГУРОЙ, ДУХОВНЫМ ЛИДЕРОМ УЖЕ НЕ ДЛЯ ОГРАНИЧЕННОГО ЧИСЛА ТЕХ, КОМУ ПОСЧАСТИЛИЛОСЬ С НИМ ПОВСТРЕЧАТЬСЯ, А НА ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОМ И УЖЕ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ.

ИРИНА ИЛОВАЙСКАЯ-АЛЬБЕРТИ, ЖУРНАЛИСТ

«О. Александр – «живой человек», то есть человек, прозрачный перед Богом, живущий по тому образу и подобию, с которым он был создан Творцом. То творчество, та свобода, та красота, то обаяние, о которых говорят все видевшиеся с ним, отсылают к Тому, от Кого о. Александр никогда не отнимал взор», — пишет архиепископ Юркович.

В заключение он, «как многие католики во многих странах мира», выражает свою благодарность о. Александру Меню «за удивительные страницы «Сына Человеческого», за его прочтение библейской истории – научное и одновременно пламенное, пронизанное опытом близости и любви Божией».

Благовест-инфо

ГОСПОДЬ ПОСЫЛАЕТ СВОИХ ПРОРОКОВ, ЧТОБЫ ПОКАЗАТЬ НАМ ПУТЬ, ЧТОБЫ НАПРАВИТЬ НАШИ ЖИЗНИ. ГОСПОДЬ ПОСЫЛАЕТ СВОИХ ПРОРОКОВ, И ЕГО ПРОРОКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ К НЕМУ. МОГУ ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ БОЛЬ, КОТОРУЮ ПЕРЕЖИЛИ МНОГИЕ ИЗ ВАС, КОГДА УСЛЫШАЛИ, ЧТО ОТЕЦ АЛЕКСАНДР УБИТ, И УБИТ ТАКИМ ЖЕСТОКИМ СПОСОБОМ.

НО Я ДУМАЮ, ЧТО ЕСТЬ ТАЙНА В ЕГО ЖИЗНИ И ЕСТЬ ТАЙНА В ЕГО СМЕРТИ. И ТЕПЕРЬ, КОГДА ОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ К БОГУ, ПРОИСХОДИТ ТО, ЧТО КАЖДЫЙ ИЗ НАС, НА СВОЁМ МАЛОМ ПУТИ, СТАНОВИТСЯ АЛЕКСАНДРОМ МЕНЕМ. КАЖДЫЙ – НА СВОЁМ СОБСТВЕННОМ ПУТИ.

ЖАН ВАНЬЕ, КАНАДСКИЙ ПЕДАГОГ, ОСНОВАТЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБЩИНЫ «КОВЧЕГ»

Протоиерей Сергей Модель
(Брюссель)

«Выдающийся представитель русского православия»: Как воспринимают отца Александра Меня за рубежом*

1. Священник в стране Советов

Известность отцу Александру за рубежом в «доперестроичный» период приходила постепенно. В начале 1960-х гг. его еще не знали за пределами Советского Союза, что неудивительно: ведь он был всего лишь молодым провинциальным приходским священником, а «Журнал Московской Патриархии», где, с 1959 по 1966 гг., печатались его статьи, в то время не был распространен за границей. Только со времени публикации своих первых книг в Брюсселе католическим издательством «Жизнь с Богом» он становится действительно известным религиозным писателем среди христиан Запада. О том, как это все начиналось, вспоминает французский профессор Ив Аман: «В 1966 г. отец Александр познакомился с Анастасией Дуровой, француженкой русского происхождения, которая работала в посольстве Франции в СССР. Они долго разговаривали о [состоянии] [...] духовной жизни [в России] и о необходимости [получения] религиозной [литературы]. [...] При посредничестве [этой верующей женщины] отец Александр стал получать книги из Брюсселя [где существовало русское католическое издательство], а затем вступил в переписку с [его руководителями]. Узнав о существовании его рукописи о Христе, [они] предложил[и] отцу Александру ее напечатать. [...] Ася Дурова взялась передать рукопись. И, наконец, в 1968 г. «Сын Человеческий» увидел свет. [...] Это было

началом долгого сотрудничества между отцом Александром и издательством «Жизнь с Богом», впоследствии опубликовавшим все его остальные труды».

В период существования «железного занавеса» между Советским Союзом и остальным миром отправка рукописей за границу была связана с большим риском, но таково было желание отца Александра: «нести Благую весть о Христе». Рукописи его книг, которые переправлялись на Запад Асей Дуровой и другими «невидимками» (по выражению Солженицына), сначала публиковались под псевдонимами (Эммануил Светлов, Андрей Боголюбов). Это делалось для того, чтобы потом книги можно было провезти обратно через советскую границу и их могли прочитать советские люди, практически лишенные религиозной литературы. Без указания автора были опубликованы и первые статьи отца Александра в западных журналах, как «Вестник русского христианского студенческого движения» (журнал русской эмиграции в Париже) или «Голос Православия» (журнал Германской епархии Московского Патриархата). Впоследствии его тексты издавались в журналах «Логос» (богословско-философский католический журнал, издаваемый в Брюсселе), «Символ» (журнал о христианской культуре, Париж) и «Надежда» (Германия). Но поскольку в конце 1970-х гг. советские органы госбезопасности узнали о его публикациях за рубежом, скрываться под псевдонимом стало бессмысленно, и, начиная с 1980 г., отец Александр стал публиковаться за границей под собственным именем. Предисловия к его книгам писали такие выдающиеся деятели как например архиепископ

Сан-Францисский Иоанн Шаховской (из Американской Православной Церкви). В эти годы отец Александр участвовал в составлении комментариев к т.н. «Брюссельской Библии», он написал предисловие к книге Марка Поповского об архиепископе Луке (Войно-Ясенецком), о нем упоминал в своих мемуарах Анатолий Эммануилович Левитин-Краснов — все это способствовало росту его известности за рубежом. Друзья отца Александра, такие, как отец Владимир Рожков, который учился в Риме, а также духовные чада отца Александра, уезжавшие из России начиная с 1972 г., конечно, рассказывали на Западе об этом необыкновенном пастыре и о его просветительской деятельности. Сам же отец Александр в письмах к зарубежным друзьям просил присылать или по возможности привозить ему книги известных западных богословов и религиозных писателей, чтобы не только быть в курсе достижений западной богословской мысли, но и использовать их в своих трудах.

Адресатами отца Александра были: митрополит Сурожский Антоний (Блум), архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин), протопресвитеры Иоанн Мейендорф, Алексей Князев и Борис Бобринский, деятель русской эмиграции Никита Струве, католические священники Рене Маришаль, Павел Майо (ректор «Руссикума» в Риме), и многие другие. Вспоминая отца Алек-

* Доклад, прочитанный на Международной конференции «Протоиерей Александр Меня: послание XXI веку» состоялась 8 сентября в Москве, во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. М. И. Рудомино (ВГБИЛ)

сандра после его трагической гибели, основательница издательства «Жизнь с Богом» в Брюсселе Ирина Михайловна Поснова писала: «Он мог бы продолжить научную карьеру на Западе, где приобрел широкую известность благодаря своим книгам».

Французский иезуит о. Рене Маришаль расскажет: «Мы следили за развитием [*его трудов*] с Запада, благодаря рассказам наших соотечественников, которые в Советском Союзе знакомились с ним или поддерживали знакомство, которые перевозили через границу его книги. Мы читали то, что появлялось в Брюсселе в издательстве «Жизнь с Богом», под разными псевдонимами [...]. С изумлением обнаруживали, сколь широка документальная основа, на которую опирались эти сочинения. [...] Он всегда старался учитывать постоянно обновлявшиеся научные достижения [...] Его друзья на Западе, сменяя друг друга, давали ему возможность познакомиться с некоторыми произведениями лучших ученых-религиоведов».

Но, конечно, связь с отцом Александром оставалась для многих «заочной»: за исключением некоторых иностранцев, познакомившихся с ним во время поездки в СССР (таких как французские слависты Ив Аман и Жорж Нива, польский православный богослов протоиерей Генрих Папроцки, католические священники Рене Маришаль, Франсуа Руло, Павел Майо и Антоний Эленс), большинство знало его по книгам или по переписке [19]. Только начиная с перестройки они смогли встретиться.

2. «Звезда» перестройки

С того момента, когда с началом перестройки власти разрешили Церкви выйти из общественной изоляции, публичный характер выступлений отца Александра (и отзывы о нем в советской прессе) принесли ему известность не только по всей России, но и за рубежом. Статья о первом в Советском Союзе посещении священником общеобразовательной школы 19 октября 1988 г., опубликованная в газете «Известия», была переиздана в зарубежных газетах, которые назвали впоследст-

вии отца Александра «самым заметным священником в горбачевской России». Хотя его книги еще не были переведены на иностранные языки, но короткие тексты его проповедей и интервью стали появляться на литовском, польском, английском, испанском и итальянском языках. В это время он получает, наконец, возможность принимать своих иностранных друзей. Как вспоминали его прихожане: «чуть ли не каждое воскресенье к нему приезжали гости из-за границы: эмигранты, корреспонденты, церковные деятели». Отец Александр встречался с французским священником-доминиканцем о. Жаком Левом, он общался с главой Ордена младших сестер Иисуса монахиней Магдалиной, а также с архиепископом Парижа кардиналом Люстиже, который, посещая СССР по приглашению Московской Патриархии, попросил захватить к священнику, служившему в Новой Деревне. Вот как он вспоминал об этой встрече: «Встретившись с отцом Александром Менем, с первых мгновений я почувствовал, будто знал его всегда как брата, как друга и понял, что отныне он мне станет близким навсегда. А между тем мы разговаривали всего лишь минут десять. [...] Память моя хранит образ встречи сильной и прекрасной в тайне страдавшего и воскресшего Мессии. Мы обменялись самым главным и укрепили друг друга больше, чем могли бы это сделать любые слова. [...] Как милость Божью рассматриваю я эту необычную, короткую встречу – она является предчувствием в настоящем времени уже присутствующей полноты времен, кои грядут».

А известный христианский деятель Жан Ванье писал: «Когда я в первый раз приехал в Москву [в 1989 г.], я имел честь и радость посетить отца Александра Меня. Это был смелый человек, великий провозвестник надежды, преисполненный безграничной любви Иисусовой. Бог был источником его жизни».

В годы перестройки самому отцу Александру удалось посетить несколько зарубежных стран: Польшу в 1987 г. (по приглашению священника Генриха Па-

процкого), Италию в 1989 г. (где он встретился с отцом Романо Скальфи, директором Миланского Исследовательского центра «Христианская Россия»), Германию весной 1990 г. (куда его пригласили на католический и протестантский симпозиум). Оттуда он ненадолго заехал в Брюссель, чтобы впервые лично встретиться с руководством «его» издательского дома «Жизнь с Богом»: «Мы ждали этого гостя многие годы, и получили лишь на день, - вспоминали они. Во время обеда отец Александр предложил несколько новых изданий... На следующее утро он уехал, обещав продолжить сотрудничество, а в следующий раз непременно задержаться подольше».

Зарубежные друзья отца Александра надеялись, что он побудет у них подольше, что они смогут показать ему страну, в которую он приехал, но он торопился, повторяя, что в России очень много дел, что нельзя терять ни минуты, и вскоре возвращался в Москву. Своим ближним он говорил, что «его время сочтено», что «Господь призывает его». Мы знаем, что это оказалось правдой.

3. «Смерть! где твое жало?»

Парадоксальным образом – впрочем, бывают ли у Бога парадоксы? – но именно мученическая кончина отца Александра сделала его личность и творчество особенно известными за рубежом. Лишь оправившись от шока после новости о его убийстве, которую распространила международная пресса, весь мир заинтересовался этим священником и проповедником Слова Божия и одновременно выдающимся религиозным историком и богословом Русской Православной Церкви.

Не только его собственные книги и статьи были переведены на разные языки (английский, французский, итальянский, испанский, португальский, польский, армянский, грузинский, литовский и т.д.), но о нем было написано несколько трудов, среди которых следует, конечно, упомянуть фундаментальную биографию, составленную профессором Ивом Аманом. Его жизнь и книги, переведенные на европейские языки, произвели сильное впечат-

ление на иностранного читателя, привыкшего к более «институционализированной» форме христианства, к церковной проповеди, носящей характер скорее общественный, чем духовный. Отец Александр был назван многими «провозвестником» или даже «пророком» надежды, потому что «он воплотил в себе христианство, которое подвергалось гонениям, но вышло из них более свободным, обновленным и миссионерским». Ему посвящены интернет-сайты на разных языках, фильмы, а в 1995 году была учреждена премия его имени за особый вклад в духовное и культурное сближение народов России и Германии. По словам одного из переводчиков его трудов на французский, отец Александр интересовал как православных, так и неправославных: «...своей открытостью миру и современной культуре, а также своей открытостью христианам других конфессий, которые также заняты поиском Бога и хотят свидетельствовать о Нем в своем окружении. [...] Отец [Александр] Мень имел эту редкую способность говорить глубокие вещи, способные коснуться сердца, простым языком, доступным для всех. Его произведение «Сын Человеческий» — прекрасный образец книги, которая представляет жизнь Спасителя мира и Его учение публике преимущественно дехристианизированной в доступной форме, не обременяя ее догматическими истинами».

Православный французский богослов Оливье Клеман писал, что отец Александр «...написал труды по истории, философии, богословию, важность которых мы все более открываем. Как знающий библеист он подчеркивал иудейские корни христианства и полноту человечества Иисуса, не отделяя ее от Его Божества, но вместе с тем он пытался освятить религиозное становление всего человечества, показывая, в духе Соловьева, что христианство впитывает и превосходит «религиозные», по сути универсальные, установки».

А преемник кардинала Люстиже, архиепископ парижский кардинал Андре Вен-Труа, скажет: «Пастырство о. Александра Меня [...] [имело] универсальный и всег-

да ценный характер [...]». Это объясняет успех и востребованность его книг, переведенных на многие иностранные языки».

Отца Александра часто сравнивают с великими фигурами современного христианства, такими как Дитрих Бонхёффер и мать Мария (Скобцова). Православный французский писатель русского происхождения отец Михаил (Евдокимов) выразился даже так: «Склад его характера можно сравнить с Франциском Ассизским или прп. Серафимом Саровским, которые, несмотря на подвизания и насмешки, которым они подвергались, никогда не отчаивались в своей любви к Церкви, вне которой они не могли жить».

Но что интересно — и на что я бы хотел обратить ваше внимание — это тот факт, что, признавая оригинальность отца Александра Меня, зарубежные исследователи его творчества рассматривают его почти всегда как выдающегося представителя *православной* традиции, и именно традиции Русской Православной Церкви, хотя некоторые и ограничиваются тем, что называют его «великим свидетелем Христа и Его воскресения» (без дальнейших уточнений). Во вступлении к французской версии книги «Практическое руководство к молитве» можно прочесть, что отец Александр является «великой фигурой современного *Православия*», произведения которого пропитаны «непрестанным размышлением над Библией, большим пастырским опытом, а также великой аскетической традицией *христианского Востока*». Он «*православный священник*, укорененный в *русской культуре*. У него ориентиры *иные*, чем у западных авторов. Столпы его творчества — святые отцы *восточной* Церкви», читаем мы в предисловии к французскому переводу «Сына Человеческого». Отец Александр был человеком молитвы, прежде всего, «богослужебной традиции *византийской* Церкви, к которой он был привязан всем своим бытием», — пишет католический автор в своем произведении о христианских мучениках XX в. Отец Александр «воплощает в себе всегда обновляемую и творческую духовность *восточной* Церкви», — подчеркивает один американский православ-

ный писатель. «Его биография открывает нам, насколько он был укоренен в *православной* вере, которую он получил в среде исповедников», — напоминает французский кардинал. Можно привести и другие примеры.

Поэтому неслучайно, Православный западноевропейский конгресс в 1999 г. во Франции прошел под лозунгом слов, сказанных отцом Александром: «Христианство только начинается». Также неслучайно, что небольшой «комикс», намеревавшийся представить французским детям интересную православную личность, выбрал отца Александра. В Брюсселе, католики и протестанты неоднократно приглашали меня читать доклады об отце Александре именно как о «свидетеле православия в 20-ом веке».

Заключение: «Се, творю все новое»

Люди, которые за рубежом открывают для себя личность и труды отца Александра Меня понимают, насколько они своеобразны, новы и необычны. Но эта своеобразность их привлекает, и многие считают, что его произведения, несмотря на их «оригинальный» характер, *представляют Православие*, во всем разнообразии и богатстве. Господь же говорит: «Се, творю все новое» (Откр 21, 5)! И также: «В доме Отца Моего обителей много» (Ин 14, 2)! Мы знаем, что в истории Церкви даже святые Отцы не всегда были единомысленны по всем богословским вопросам. «In necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus caritas» («В необходимом [или в главном] единство — в спорном — свобода, во всем любовь»), как писал некогда католический богослов (но выражение обычно приписывается блаженному Августину). Эти слова часто любил цитировать и о. Александр, и мне кажется, что они могут служить самым лучшим ориентиром в нашем отношении к различным богословским изысканиям и мнениям в лоне христианства, христианства, одним из выдающихся проповедников которого в XX в. как в России, так и за рубежом был отец Александр Мень.

Вечная ему память!

Концерт, посвященный памяти протоиерея Александра Меня

10 сентября 2015 года в Московском международном Доме музыки состоялся концерт, приуроченный к 25-летию со дня трагической гибели протоиерея Александра Меня

Перед началом мероприятия от имени Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла собравшихся приветствовал председатель Отдела внешних церковных связей митрополит Волоколамский Иларион:

«Сегодня мы собрались, чтобы почтить память замечательного человека, пастыря, богослова, оставившего неизгладимый след в сердцах многих людей — протоиерея Александра Меня. Его имя хорошо известно не только людям церковным, но и многим из тех, кто находится за пределами Церкви. Отец Александр был человеком необычайной духовной красоты и душевной щедрости. Его уникальная личность раскрывается через его книги, которые на протяжении вот уже четверти века не теряют своей актуальности.

Зачастую люди, ушедшие из жизни, постепенно стираются из человеческой памяти. В случае с отцом Александром происходит прямо противоположное: 25 лет прошло со дня его кончины, а память о нем жива. Его книги по-прежнему востребованы, а его проповедь приводит в Церковь все новые и новые поколения. Буквально на днях состоялась презентация первого тома собрания его сочинений, которое увидит свет в Издательстве Московской Патриархии. Изначально было запланировано 15 томов, но позже выяснилось, что все наследие отца Александра невозможно уложить в такое количество книг и придется издавать дополнительные тома.

Отец Александр погиб трагически. Смерть вызывает у людей без-

ыходную печаль и невыносимое страдание. Трагическая, насильственная смерть вызывает резонанс у общественности, сеет страх и ужас. Но христианин смотрит на вещи из иной перспективы. Когда мы думаем о смерти, в том числе несправедливой, преждевременной и насильственной, то, прежде всего, вспоминаем о Господе нашем Иисусе Христе, Который терпел такую же смерть.

Отец Александр был убит в канун праздника Усекновения главы Иоанна Предтечи. Голос Иоанна Предтечи был гласом вопиющего в пустыне, он уготовал путь Господу, прямыми сделал стези Его (см. Ин. 1:23; Мф. 3:3). Когда отец Александр начинал свою проповедь в нашей советской, атеистической «пустыне», его голос тоже был гласом вопиющего в пустыне. Его книги издавались за рубежом, нелегально переправлялись в Советский Союз, распространялись через систему черного рынка или самиздата и трудно было представить, что ког-

да-нибудь его слово зазвучит в полную силу.

Те, кто насильственным образом прервали его жизнь, хотели заставить его замолчать. Но они не достигли своей цели, ибо сегодня проповедь отца Александра Меня звучит так же сильно и ярко, как и при его жизни. Его жизнь повторила судьбу многих людей, которые прошли путем Господа нашего Иисуса Христа.

Их голос был тоже гласом вопиющего в пустыне, их смерть была насильственной и мученической, но их свидетельство о Христе будет жить во все времена.

Сегодня мы услышим музыку, которая как нельзя лучше передает и боль утраты, и жажду жизни, ибо это произведение не столько о смерти, сколько о воскресении и надежде на жизнь вечную. Мы верим, что душа отца Александра пре-

бывает на небесах. Но также мы знаем, что в своих книгах он неизменно остается со всеми нами».

В память о протоиерее Александре Мене прозвучал «Реквием» Вольфганга Амадея Моцарта. Перед слушателями выступили солистки Большого театра Анна Аглатова и Светлана Шилова, приглашенный солист Валлийской Национальной оперы и Королевской оперы Ковент-Гарден Робин Тричлер и приглашенный солист Большого театра Николай Диденко, а также Национальный филармонический оркестр России (дирижер В. Спиваков) и Акаде-

мический Большой хор «Мастера хорового пения».

В завершение концерта прозвучало произведение «Тебе поем» С.В. Рахманинова в память о духовной дочери протоиерея Александра Меня Е.Ю. Гениевой.

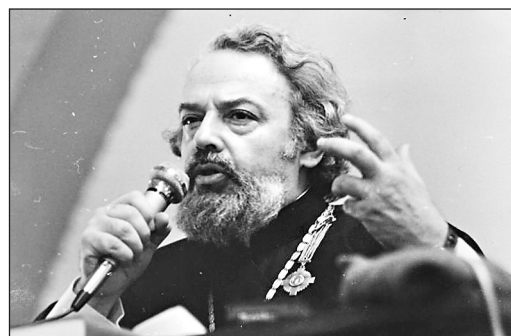
*Источник:
Издательство Московской
Патриархии*

Настоящий переворот в моем сознании совершил Александр Мень. Услышал о нем я случайно. Кто-то из знакомых рассказывал, что есть такой православный священник, еврей по национальности. Меня это заинтересовало. Из любопытства поехал на лекцию отца Александра в Институт стали и сплавов. Был потрясен, вышел из аудитории другим человеком. С тех пор старался не пропускать публичных выступлений этого проповедника. Потом мы познакомились, и отец Александр даже благословил меня. С его уходом из жизни идеи, которые он нес людям, не умерли.

Владимир Спиваков

Х Мeneвские чтения прошли в подмосковном Семхозе

Ежегодная конференция «Меневские чтения» открылась 9 сентября в 10-й раз в подмосковном поселке Семхоз. Тема Чтений: «Вспоминая итоги пастырского пути. К 80-летию со дня рождения и к 25-летию со дня убиения протоиерея Александра Меня». В рамках конференции состоялась презентация собрания сочинений о. Александра, которое по благословению Патриарха Кирилла выпускает в свет Издательство Московской Патриархии

В первой половине памятного дня, когда о. Александр Мень принял мученическую смерть, митрополитом Крутицким и Коломенским были совершены поминальные богослужения в Сретенском храме Новой деревни, где служил о. Александр, и в Сергиевском храме Семхоза, на месте его гибели. Открывая Х Мeneвские

чтения, митрополит Ювеналий передал приветствие и благословение от Патриарха Кирилла.

В своем слове митрополит вспомнил о «героическом» пастырском служении о. Александра Меня, чему в последние 13 лет его жизни выступавший был свидетелем как правящий архиерей. «Это сейчас мы являемся свидетелями

возрождения всех традиционных направлений общественного служения Церкви. А тогда священник был строго ограничен стенами храма. Выйти за эту границу было настоящим героизмом, требовалось мужество, а порой — и готовность постоять за Имя Христово. О. Александр находил в себе духовные силы, вопреки реальности того времени, активно и творчески проповедовать Слово Божье молодежи, интеллигенции и ученым», — сказал митрополит Ювеналий. Он отметил, что с началом перестройки о. Александр «использовал все возможности для расширения разнообразных просветительских форм служения», подавая пример «творческого подхода к решению миссионерских задач».

Митрополит упомянул о том, что скончавшаяся недавно Екатерина Гениева, духовная дочь о. Александра, просила ответить на главный вопрос, ставший темой международной конференции: «Каково послание о. Александра Меня XXI веку, в который, как никогда прежде, остро стоит проблема насилия и религиозной нетерпимо-

сти?» Митрополит Ювеналий дал свой ответ на Мeneвских чтениях: «Отец Александр дает для всех образ бесстрашного и самоотверженного служения Богу и ближнему. Его пример показывает, что слово пастыря должно звучать не только для верных, но и для колеблющихся и враждующих. Один лишь Господь ведет пути человеческих душ. А миссия Церкви состоит в том, чтобы неустанно обращать к миру евангельский призыв ко спасению. Что касается религиозной нетерпимости и массового насилия, то, при всей сложности и противоречивости еще молодого XXI века, позволю себе утверждать, что минувшие столетия знали гораздо более страшные примеры ненависти между людьми по причине различий в вере и бесчеловечного уничтожения огромного множества людей. Думаю, что нам следует благодарить Бога за то, что, несмотря на опыт чудовищных страданий, имевших место в прошлом, в сердцах большинства людей укрепилось стремление к миру, любви и добру. Не это ли плоды Духа, ради созидания которых трудился о. Александр?»

От имени семьи о. Александра всех, кто поминает его в эти дни, приветствовал сын священника Михаил Мень. Он зачитал послание президента РФ Владимира Путина к участникам Мeneвских чтений.

Далее Михаил Мень вспомнил о том, как постепенно складывалась традиция поминовения его отца. Через несколько дней после его гибели сын и племянник (ставший вскоре священником Виктор Григоренко) установили крест-божницу на том месте, где пролилась кровь о. Александра. Потом у его духовных чад появилась традиция «приезжать на тропинку»: когда трудно, когда надо

принимать непростое решение, люди приезжали в Семхоз и молились на том самом месте, где настигла священника рука убийцы. «Мы не думали тогда, что это место станет паломническим центром», — сказал М. Мень, отметив основные вехи: появление небольшой часовни на месте убийства, рукоположение о. Виктора Григоренко, закладку, а потом и строительство Сергиевского храма, в котором племянник о. Александра стал настоятелем. Сейчас, отметил М. Мень, сложился «единый комплекс», включающий также мемориальный дом о. Алек-

он считает то, что многие люди, прочитав книги о. Александра, приходят ко Христу. Затем главный редактор Издательства Московской Патриархии протоиерей Владимир Силовьев представил первый том из будущего Собрания сочинений о. Александра — книгу «Сын человеческий».

Архиепископ Иван Юркович, Апостольский Нунций в РФ, в своем послании, которое зачитала Джованна Парравичини, атташе по культуре посольства Ватикана, написал много теплых, искренних слов об особой «харизме» о. Александра, которая со временем «не стареет», но все больше «открывается и для верующих других конфессий, и даже для неверующих».

Это подтвердил своим свидетельством начальствующий епископ Российского объединенного союза христиан веры евангельской (РОСХВЕ) Сергей Ряховский, который познакомился с о. Александром в начале 70-х гг. Можно ли считать случайностью, что сын протестантского пастора, трижды репрессированного за веру, ехал в электричке в Семхоз к бабушке, читал Библию и вдруг услышал вопрос: «Юноша, понимаете, что читаете?» Эта встреча с о. Александром, который уже тогда воспринимался в среде евангельских христиан как «легенда», потому что его самиздатскими книгами «зачитывались», оказала большое

влияние на С. Ряховского. Более того, решение этого евангельского христианина поступить в православную духовную семинарию было, оказывается, «мотивировано о. Александром, потому что понимал, что не могу пройти мимо великой духовной традиции, в которой служил этот Божий человек». По словам С. Ряховского, многие его единоверцы стали христианами благодаря книгам о. Александра Менья.

Митрополит Ювеналий в Семхозе

сандра и Культурно-просветительский центр «Дубрава», в котором работает музей и проходят выставки, посвященные пастырю.

«Это была мечта отца — он очень хотел, чтобы вокруг прихода была жизнь. И сейчас вокруг этого прихода есть жизнь, и не только этого — мы знаем многие приходы, где служат ученики, друзья отца, и эти приходы живут по его заветам», — сказал М. Мень. Но «главным памятником» отцу

Гостя из Лондона, профессор Кэмбриджа Ирина Кириллова считает, что память «двух великих людей» – о. Александра и митрополита Сурожского Антония, между которыми есть «мистическая связь», – это еще и «новое огромное задание и ответственность – продолжать то святое дело, которое они делали». Новые переводы, издания их трудов необходимы не только для верующих, «которые всегда учатся», но для «растерянных, заблудших, ищущих», ибо «наступают те времена, когда более чем когда-либо в нашем трагическом мире нужно исповедание Христа, встреча с Ним».

Следующий день X чтений, 10 сентября, был посвящен докладам и дискуссиям. Выступили: прот. Александр Борисов, настоятель храма свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине (г. Москва); прот. Вячеслав Перевезенцев, настоятель Свято-Никольского храма села Макарово (Ногинский район Московской области); прот. Сергей Модель, настоятель

Свято-Никольского кафедрального храма, Брюссельско-Бельгийская Архиепископия РПЦ; Ирина Кириллова (Кембридж, Великобритания); прот. Лев Шихляров, настоятель храма Казанской иконы Богородицы в селе Хомяково (Сергиево-Посадский

район); прот. Владимир Архипов, клирик Сретенского храма в Новой Деревне (г. Пушкино); священник Александр Ермолин (Казанская духовная семинария), Артем Киракосов (Семхоз).

*Юлия Зайцева,
Благовест-инфо*

Протоиерей Виктор Григоренко: Нас роднит открытость

Когда протоиерей Александр Меня жил в микрорайоне Семхоз на окраине Сергиева Посада, здесь не было ни одного храма. После гибели отца Александра сначала построили часовню рядом с местом, где его убили, а в 2000 году был освящен храм во имя преподобного Сергия Радонежского. Теперь здесь большая приходская община, приезжают и москвичи, и жители Сергиева Посада. А в расположенном неподалеку муниципальном культурном центре «Дубрава» открыт музей протоиерея Александра Меня, проходят выставки, концерты, ежегодные Меньевские чтения. Настоятель храма протоиерей Виктор Григоренко – племянник отца Александра. В этом году он пригласил архимандрита Зинона (Теодора) сделать роспись на стенах часовни, и в день памяти отца Александра гости Семхоза смогут увидеть обновленную часов-

ню. Кроме этого, их ждет традиционная конференция и рок-опера Эндрю Ллойда Вэбера Jesus Christ Super Star в исполнении Театра Стаса Намина на сцене «Дубравы». Накануне 9 сентября протоиерей Виктор Григоренко дал интервью «Правмиру».

Протоиерей В. Григоренко

– Отец Виктор, почему вы решили обновить часовню? Вроде бы службы проходят в большом храме...

– Я никогда не забуду наши первые молитвы зимой, когда еще храма не было, и бабушек, которые всегда в валенках приходили. Пар изо рта, Псалтирь, которую мы читали по отцу Александру... Это было в маленькой часовне. Потом мы пристроили алтарную часть, притвор, в 1999 году освятили престол и первые литургии нашего прихода в 99-м проходили именно в часовне.

А сейчас мы там служим буквально два раза в году: 11 сентября, в день памяти Усекновения главы Иоанна Предтечи, и в Рождество Иоанна Предтечи. Народу много, мы туда просто не помещаемся. Регулярно получается служить только акафисты. Но мне хотелось бы, чтобы часовня была бы открыта почти постоянно, чтобы люди могли приходить, поставить там

свечи, помолиться и помянуть отца Александра. Поэтому появилась еще и роспись, хотя и в несколько ограниченном масштабе, – на восточной стене.

Восемь лет назад отец Зинов расписывал наш основной Сергиевский храм, и сейчас мы видим новые прекрасные фрески, несколько уже иные, и это отличие заметно. Он сказал, что не поехал бы сюда, если бы это место не было связано с трагической гибелью отца Александра.

– *Вы много занимаетесь сохранением памяти об отце Александре. В чём цель мемориализации, что именно важно сохранить и почему?*

– Я думаю, что всё, что касается памяти отца Александра, нужно сохранить. Основная часть вещей, которые были переданы родственниками, близкими людьми, прихожанами отца Александра, сейчас находятся в архивах музея, и в этом году мы смогли зарегистрировать нашу коллекцию в Музейном фонде РФ. Таким образом мы получили ведомственный музей в структуре муниципального учреждения «Дубрава», который мы будем обслуживать, где мы будем принимать людей и рассказывать о жизни и творчестве отца Александра. Для нас это важно, потому что кроме экскурсионной работы это еще и методическая работа, связанная с хранением, учетом. Фонд уже есть, это и рукописи, и аудиоматериалы, и видео, и личные вещи, он укомплектован специальным оборудованием – всё, как требует Министерство культуры Российской Федерации.

– *Отец Александр – ваш близкий родственник, вы жили рядом с ним обычной жизнью в семье, часто в одном доме у вашей бабушки, а его тёщи. А сейчас его личность становится скорее символом, выросло несколько поколений тех, кто его не застал лично, но относится к его творчеству и биографии с уважением, почитанием. Для вас как это сочетается? Вы сей-*

час фактически – хранитель наследия вашего родного человека.

– Когда мы были маленькими, мы, конечно, не чувствовали величины личности отца Александра. Со временем многое стало открываться. Мой осознанный приход в Церковь произошел не тогда, когда я с двоюродным братом Мишей читал в пяти-шестилетнем возрасте поминальные записки, которые отец Александр нам давал, а после того, как я лет в 15-16 самостоятельно прочитал Евангелие, и потом, когда я уже вернулся из армии и прочитал книги отца Александра, – для меня совершенно по-другому открылась Церковь.

Я помню, как приезжал в Новую Деревню только слушать его проповеди – не на богослужение, а чтобы послушать, как он проповедует. Богослужение и литургия открылись мне позже. Но в тот очень важный для меня период отец Александр стал для меня именно отцом Александром, а не дядей Аликом, как мы его звали в детстве. И тогда, уже в конце его жизни – в 88–89-м году, мы достаточно часто встречались, я приезжал сюда больше не как племян-

ник, чтобы побыть здесь с бабушкой, помочь, что-то сделать, а для того, чтобы задать вопросы, которые меня беспокоили. Это были уже совершенно другого качества взаимоотношения, взаимоотношения прихожанина и наставника, хотя, конечно же, всё остальное тоже никуда не делось. Конечно, многое изменилось в 90-м году после его убийства. Мне пришлось делать выбор.

– *А вы решили стать священником уже после его смерти?*

– Да, я никогда не думал, что буду священником. Я художник, художник-реставратор, у меня три образования: учился в иконописной школе, в Абрамцевском промышленно-художественном училище, окончил факультет художественной графики педагогического университета. Вся моя жизнь в той или иной степени была связана с творчеством. Я много лет проработал в музее «Абрамцево».

Митрополит Ювеналий приезжал каждое девятое сентября в Семхоз, чтобы помолиться. Однажды мы шли с ним по «тропинке отца Александра», как многие ее называют, и он мне сказал: «У тебя есть начальное богословское обра-

зование после иконописной школы, а ты не думаешь о том, кто здесь, на этом месте, будет молиться, если не ты?» Для меня это было потрясением, я стал об этом думать, моя супруга с трудом представляла, что я стану священником. Но потом было принято решение, и сейчас я счастлив, что стою у престола.

– *Вы говорите, что приезжали к отцу Александру и с ним разговаривали как прихожанин с наставником. Помните ли вы что-нибудь из его ответов на ваши вопросы, что можно рассказать, что-то, что вам запало в душу? Бывают ведь разговоры, которые потом всю жизнь всплывают, хотя сначала кажется «ну, поговорили и поговорили»*

– Мне очень запомнилась беседа после нашего венчания. Мы были втроем здесь, в Семхозе. Отец Александр очень долго го-

Церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Семхозе

ворил с нами, для него это было очень важно. Ему рано утром нужно было вставать на службу, а мы проговорили практически до полуночи, и для нас с Ирой это было очень серьезным событием. Мне было 24, ей 22, представление о браке у молодых людей было прилизительным. Но эта беседа касалась сокровенных вещей, о которых я не хочу сейчас говорить.

Но зато могу рассказать историю. Отец Александр достаточно часто приезжал в Хотьково причащать мою прабабушку. Несмотря на то, что он был не очень практичным человеком, идеи у него иногда были неожиданные. На столетие моей прабабушки в 1987-м приехал журналист из газеты «Труд». Отец Александр при этом присутствовал. А это было год спустя после того, как в газете «Труд» появилась статья «Крест на совести».

И нужно было сделать общее фото, отец Александр сразу понял, что ему не стоит фотографироваться, и говорит: «Давайте, я буду держать софит». И держал софит. Я смотрю на эту фотографию, где нас пять поколений: я, мама, бабушка, прабабушка, кто-то из детей там был, – и вспоминаю отца Александра, который в это время держал софит. А журналист был очень любопытный, всё спрашивал: «Что ж это у вас за родственник такой, какого-то ученого человека напоминает. Он историк?» Мы говорим: «Ну да...» В общем, он так и не понял, что это был отец Александр. Но я про другое: когда этот журналист брал интервью и писал заметочку, отец Александр ему сказал: «Вы напишите, что дом у Татьяны Ивановны Колесниковой ветхий, и что администрация обещала помочь». А тогда было невозможно даже кирпич купить, – всё только по заявлению в исполком, строительных материалов никаких не было.

И выходит эта статья в газете «Труд» с нашей фотографией: вот Татьяна Ивановна Колесни-

кова, ей сто лет, поздравляем, она пережила первую войну, революцию, вторую мировую, но домик у неё, однако, ветхий, а администрация обещала помочь.

– И администрация узнала об этом из газеты «Труд»?

– Через неделю пришла из администрации открытка, в которой было написано, что можно получить пять тысяч кирпичей. Я ког-

ют какие-то слабые вещи – всё равно человек вдохновлялся от этого внимания, и следующее уже с новыми силами, вдохновленный, начинал творить.

Он просил меня привозить ему глину и лепил разных животных. Если нужно было что-то объяснить, ему было проще объяснять, рисуя. Он брал тут же карандаш или ручку и мог нарисовать

портрет человека. Потом я смотрел – это была такая удивительная хватка рисовальщика, он схватывал характер.

– Судя по его рисункам, которые сохранились, он был человеком классического вкуса, академического?

– Я скажу больше, судя по тому, какие вещи он любил и какими вещами он себя окружал, он был достаточно старомодным чело-

веком. Он, конечно, очень любил русский модерн, интересовался им, просил меня привозить ему альбомы из библиотеки музея-заповедника «Абрамцево». Он очень любил Машкова, и вообще тот период расцвета, и в архитектуре тоже.

– При этом в его круг входили художники авангардного направления. Были ли споры, что он думал про Церковь и искусство, например?

– У него есть выступления, лекции на эту тему. Он достаточно ясно и четко говорит о своем отношении к искусству, в том числе и о том, что искусство может быть искусительным. Здесь важно, какими мотивами, вернее, каким духом человек питается, – может быть, разрушительным.

Здесь можно говорить и о том, какие изменения наступили в храме, когда он стал настоятелем. Он начал ориентироваться на людей, я не говорю об эстетике, потому что в Новой Деревне трудно было что-то менять, да, наверное, и не нужно было этого делать. Но тут же были поставлены динами-

Росписи архим. Зинона в церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Семхозе

да отцу Александру принес газету, он посмотрел и говорит: «К следующему году нужно написать, что к бабушке приедут из стран Варшавского договора тоже столетние старики вместе отмечать день рождения, – тогда они сделают дорогу к вашему дому».

Когда я работал в музее, меня очень интересовало народное творчество. И я показывал отцу Александру свои работы. Он очень осторожно со мной разговаривал, потому что это увлечение начинало давать языческий крен. Отец Александр говорил, что всё-таки нужно думать о главном, что в творчестве многое может быть искусительным. К творчеству он всегда относился с повышенным интересом, всегда спрашивал, что я делаю. И не только я, разумеется: он всегда спрашивал, кто что написал, что сделал. Многие приносили ему смотреть свои тексты. Это всегда было желание поддержать человека в его творческих начинаниях. И даже если у человека что-то не получалось – всегда же быва-

ки, чтобы люди могли слышать и в притворе тоже.

– Он ставил динамики ещё в конце 80-х?

– Да, я думаю, что он один из первых установил динамики.

– В начале 80-х была очень мрачная атмосфера, которая давила несколько лет, когда отца Александра вызывали в КГБ, проводили обыски. В те же годы посадили религиозных диссидентов Сандра Ригу и Александра Огородникова, многих других прижимали. Насколько эта ситуация влияла, как он отвечал на это? Когда живешь внутри, у тебя же нет ощущения, что всё это кончится, начнется перестройка, он же не знал будущего, и никто не знал. Тогда казалось, что всё, в этом мраке и будем жить.

– Мне кажется, что этот период не отразился на его трудоспособности. Он всё это стоически выносил. У нас в экспозиции есть и эти приглашения в комитет, где он проводил очень много времени, и наверняка ему было очень жалко, что он проводит его там. Но знаете, некоторые люди начинали интересоваться вопросами веры после встречи с ним, в том числе и люди в погонах, такие истории мы тоже знаем. Поэтому и там это было для кого-то не напрасно.

– Как ему удавалось не унывать? У него был рецепт?

– Я думаю, это хорошо усвоенные апостольские слова: «Всегда радуйтесь, всегда молитесь, за все благодарите». Это в нем было точно – чувство, к которому он призывал прихожан и всех окружающих, был примером, – христианская жизнерадостность. Просто от того, что ты живешь, имеешь возможность смотреть на окружающий мир, благодарность за то, что можешь встречаться со своими друзьями, разговаривать на те темы, которые тебя интересуют. Ну, и наверное, самое главное, что ты имеешь возможность творить и делиться этой радостью с другими. На самом деле, неважно, что ты делаешь, потому что нетворческих профессий, я думаю, нет.

Нужно сказать еще о целостности его личности. Биологи говорят: «Как жалко, что он стал священником, мог бы стать хорошим ученым». Художники говорят, что он мог бы быть художником, если бы развивался только в этом направ-

лении. Ну и так далее. Всё-таки отца Александра нельзя рассматривать отдельно от самого главного его служения в жизни, а всё остальное, все эти дарования и таланты, данные Богом, были полностью включены в его жизнь как священника, как пастыря, как проповедника.

– От него, как мало от кого из ушедших пастырей, осталась целая сеть общин. Есть община отца Александра Борисова, который его ровесник и друг. Есть община отца Владимира Архипова, который ученик и наследник. Есть отец Вячеслав Переверзенцев, отец Владимир Лапшин, есть вы и ещё несколько священников и приходов. Как это получилось? Ведь эти общины на самом деле очень разные.

– Да и хорошо, что разные. На самом деле, это осколки той общины, что была создана отцом Александром, осколки новодеревенской общины. На одной из панихид по отцу Александру кто-то из священников сказал очень верные слова: «Мы все как осколки одного разбившегося зеркала, которое отражало свет Христов». Здесь всё по-евангельски: «Поражу пастыря, и рассеются...» Рассеялись не так, что и следа никакого не осталось, а рассеялись так, что многие нашли свои приходы с теми пастырями, которые стали последователями, продолжателями дела отца Александра.

Но я уверен в том, что всё-таки христианская открытость и любовь, которая отличала отца Александра, всех нас и роднит.

– Чувство общности, которое возникало в поздние советские годы, было связано не только с личностью отца Александра, но и с тем, что христиане были действительно малым стадом: сам факт того, что человек ходит в церковь, тебя уже с ним роднит. Это была общность в атеистическом мире, стремление не растерять друг друга, радость от того, что у нас общее мировоззрение.

А сейчас ситуация абсолютно другая, и мне кажется, что в современных общинах есть, наоборот, такое, сектантское деление: наш – не наш. И ещё какой-то комсомольский задор, активность, превращение общины в клуб по интересам. У меня это вызывает некоторую настороженность. А как вы на это смотрите?

– У отца Александра на приходе было очень много всяких сложностей. И мы знаем огромное количество историй, связанных с уходом людей из прихода, с уходом людей из Русской Православной Церкви. Отец Александр очень болезненно это все переживал. Отъезды за границу прихожан и многое, многое другое. Народ был непростой, сами понимаете. Все время вспоминается Сергей Сергеевич Аверинцев с его словами про «дикое племя интеллигенции». Так оно и было.

Многие люди настолько были ослеплены личностью отца Александра, такой харизматичной, такой яркой, что не всегда понимали, к чему он их зовет. Эта проблема тоже была. А отец Александр однозначно хотел привести этих людей ко Христу, открыть им Евангелие. Евангельские группы, которые он создавал, кстати, не он придумал, это была продолженная традиция священномученика протоиерея Алексия Мечёва. Иногда отцу Александру приписывают то, что на самом деле было никаким не новшеством, а продолжением жизни катакомбной Церкви. Он использовал накопленный к тому времени опыт, в том числе и, например, опыт конспирации.

А насчёт комсомольского задора... Мне очень не нравится, когда я вижу призыв «против кого будем дружить?» Мы-то православные, мы – обладатели истины, пойдем сейчас научим всех, как жить.

Я думаю, что основы церковной жизни настолько сильно были подорваны в советское время, корни подрублены, такое огромное количество лучших священников были расстреляны, умерли в лагерях, что мы сейчас чувствуем их недостаток. Ну, что поделаешь, надо это как-то преодолевать. Отец Александр на это преодоление жизнь свою положил. Искусствовед Ирина Языкова очень хорошо сказала в одной из своих лекций, что отец Александр – именно продолжатель той традиции, он, как мост, соединяет поколения православных христиан.

Беседовала Ксения Лученко.

Источник:

<http://www.pravmir.ru>

Вечер памяти протоиерея Александра Меня впервые прошел без Екатерины Гениевой

Традиционный вечер памяти протоиерея Александра Меня (1935—1990) – известного пастыря, богослова, библииста, писателя, проповедника и миссионера прошел 7 сентября в Москве. Встреча родных о. Александра, прихожан, друзей и читателей его книг была приурочена к 25-й годовщине его гибели

Вечер состоялся там же, где и всегда – во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. Рудомино, но впервые – без Екатерины Гениевой (1946–2015), которая более двух десятилетий возглавляла библиотеку и устраивала вечера памяти своего духовного отца. Большой зал библиотеки был переполнен.

В начале вечера была отслужена лития по о. Александру и его духовной дочери. Владимир Илюшенко, который ежегодно ведет эти встречи, процитировал слова Е. Гениевой об о. Александре, написанные совсем недавно: «За 25 лет, что его нет с нами на этом свете, его труды переведены на 38 языков мира и изданы миллионными тиражами. Его голос – голос современного пророка продолжает отчетливо и громко звучать, призывать к свободе, любви, состраданию. Этому не смогли помешать его убийцы».

Ведущий вечера В. И. Илюшенко

Многое изменилось за эти 25 лет, продолжил Илюшенко. По его словам, очевидно, что «мир сходит с ума», но то, что открылось сегодня, о. Александру было ясно давно. Он писал: «Народы и племена, страны и правительства, вожаки и толпы, весь род человеческий фатально катится в бездну самоистребления. Не пора ли наконец признать, что мы стали свидетелями мировой гражданской войны всех детей Адама, терзающих его единое тело. Она не утихает ни в дни боевых действий, ни в дни мира, террор и ненависть не знают перемирий».

Друг и преемник о. Александра Меня, протоиерей Александр Борисов привел несколько фрагментов из книги «Трудный путь к диалогу», которые звучат разительно актуально в наши дни: о том, что вера в Бога невозможна без веры в человека; о праве человека на инакомыслие; о «полузабытом слове «покаяние»», в котором «есть не только личный план, но и общецерковный»; об опасности нетерпимости, с одной сторо-

ны, а с другой – равнодушия, «бездуховной пошлости», которая есть «подлинный антагонист христианства»; о том, куда ведет «раздувание образа врага». «Культивируя ненависть, общество разрушает само себя», – предупреждал о. Александр Мень.

А. Архангельский

«Отец Александр воспринимается нами как неканонизированный святой, ... а Екатерина Гениева – как его верная ученица», – отметил писатель и телеведущий Александр Архангельский. Он находит много общего между эти-

ми двумя людьми. Главное – в центре их жизни стоял Христос, и они не отделяли свою жизнь от задачи, которую Он поставил перед ними: «Не рассуждать о всем прекрасном, высоком и великом, а в каждом конкретном деле воплощать это великое». По словам А. Архангельского, про «духовную ученицу» и «духовного руководителя» часто говорят, что они стали «мостами между верой и культурой». Он с этим не согласен: «Никакими «мостами» они не были, потому что между верой и культурой нет водораздела, это ложное противопоставление. Попробуйте жить на мосту! Нет, мы живем в доме, и наш дом – это дом веры, культуры, человеколюбия».

Сама Е. Гениева тоже говорила о связующей, соединяющей роли о. Александра, но несколько в ином смысле. «Он принадлежит к той редкой породе людей, которых можно определить как люди-мосты. И доказательством того, что они существуют, становится тот факт, что мы, такие разные, продолжаем общаться, понимать и любить друг друга через него». Эти слова помещены на суперобложку новой книги «На пороге бессмертия. Последние встречи с о. Александром Менем. Свидетельства» (М.: Центр книги Рудомино, 2015). Издание представил его составитель Юрий Беленький — прихожанин о. Александра Меня, супруг Екатерины Гениевой. Он попросил духовных чад о. Александра вспомнить о том, что они пережили и почувствовали во время своих последних

встреч с духовником, отыскал свидетельства в прежде изданных мемуарах. В книге приведено 30 таких свидетельств: священника Георгия Чистякова, издателя Натальи Большаковой, дирижера Владимира Спивакова, поэта Зинаиды Миркиной, историка Ива Амана и многих других.

«Христианство только начинается» — эти слова о. Александра Меня, сказанные им за день до мученической смерти, особенно дороги иеромонаху Иоанну (Гуайте). Он считает, что «отношение ко времени» можно считать ключевым в наследии о. Александра, и особенно — в том, что касается православия. «Что такое православие? Это религия предков? Церковь прошлого? Или Церковь настоящего и будущего?» — наследие о. Александра дает точный ответ на эти вопросы, полагает о. Иоанн, и ответ этот однозначен: «Религия Благой вести есть религия будущего». «Если бы ему дали [возможность] говорить дальше, может быть, современное русское богословие было бы другим. Но его труды остались, и я абсолютно уверен, что время играет в пользу богословия о. Александра. Православное богословие следующего десятилетия — это богословие о. Александра Меня», — не сомневается иеромонах.

На вечере, как всегда, звучала классическая музыка в память об о. Александре, а Юрий Пастернак и Ирина Языкова представили новую песню, посвященную их духовному отцу. Вечер завершился пением «Вечной памяти», а затем — Пасхального тропаря. «С возвращением, отец Александр! Христос воскрес!» — этими словами завершается вступительная статья Е. Гениевой к новой книге.

Юлия Зайцева, Благовест-инфо.

И. Языкова и Ю. Пастернак

Памяти Е. Ю. Гениевой

Екатерина Гордеева

«Умирать — не страшно. Страшно отвечать на вопросы»

Мы сговорились, что она напишет предисловие к новому изданию «Победить рак»: «Мне есть что сказать, по этому поводу, я обязательно напишу, вот сейчас вернусь из поездки, когда крайний срок?», — спрашивала она. Я отвечала: «Екатерина Юрьевна, есть еще время». «Катюнячка», — да, она именно так говорила, — «Катюнячка, времени никогда нет».

...Мы познакомились полтора года назад. Через пару недель после того, как ей поставили диагноз. «Прочтите, пожалуйста, «Открытую лекцию», — попросила я ее в письме. Через несколько минут в ответном письме она прислала свои свободные даты. И полтора часа рассказывала переполненному залу об отце Александре Мене

и академике Андрее Сахарове, об отце Георгии Чистякове и Людмиле Улицкой, о Пастернаке и Лермонтове, о великой библиотеке Марии Федоровны и крошечной — в средне-русском захолустье, куда единственная сотрудница просила Гениеву привезти сказки Чуковского, потому что прежняя книжка истрепалась.

Это был апрель 2014. Страх начавшейся войны еще не был никем до конца осознан. И люди, задавшие Гениевой вопросы после лекции, спрашивали не про библиотеки, а про жизнь: «Вы знаете, я не могу разобраться в том, что происходит, как мне отличить правду от неправды? Как не бояться», — спрашивала женщина из зала. Екатерина Юрьевна, не дрогнув бровью,

отвечала: «А бояться никогда не надо, надо верить себе». И отвечала втрое больше положенных получаса. А в зале сидели ее муж Юра и дочь Даша. И я видела, как они волновались. И как держали друг друга за руку, чтобы не прервать ее, не остановить, не намекнуть на болезнь как на невозможность жить и действовать в том темпе, в котором она привыкла.

«Катюнячка, у меня есть одна идея», — так начинались ее звонки. Из Лондона, из Берлина, из Ульяновска и Новосибирска. Иногда — из Израиля, куда она исчезала на химиотерапии и операции. И никто, кроме самых близких, никогда не знал, чего ей все это стоит.

...«Катюнячка, никак не могу понять перспективы. И еще очень

тревожно, что все вокруг меня ограничивают: это нельзя, то не рекомендуется. Очень не хотелось бы останавливаться», — сказала она мне через месяц, когда мы встретились снова. Московский вокзал Санкт-Петербурга. На завтра — лекция о месте библиотеки в современном мире. Но в питерские библиотеки читать эту лекцию Гениеву не пустили: в своей Иностранке она только что принимала Конгресс интеллигенции, где собирались те, кто против войны, кто не принял «Крым-наш». И дружить с Гениевой «системным» людям стало опасно.

Свою лекцию Екатерина Юрьевна читала в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме. И была безупречна. Вечером мы ужинали и обсуждали наполеоновские планы библиотечной реформы, просвещения, распространения книг, «Открытые лекции» по всей России. Она мечтала участвовать во всем. И, когда у «Открытой лекции» возникали проблемы то в одном, то в другом российском городе, отважно бросалась на помощь. Впрочем, мы старались не рассказывать ей о проблемах.

Сколько всего она успела за эти полтора года я, если честно, не могу себе представить: я за ней никогда не поспевала.

Две недели назад она снова приехала в Питер. Участвовать в «Диалогах» Открытой библиотеки. Защищать «Династию», Американский культурный центр в «Иностранке», право на образование и просвещение граждан своей страны. И делала это, как всегда, бесстрашно. И, в отличие от меня, пессимистично бубнившей: «большой половине граждан страны все, о чем вы говорите, неважно, не нужно», страстно отвечала: «Катюнька, вы не правы, просвещение — оно как воздух, этим нельзя пренебречь. Просто это очень долгий и кропотливый труд».

Для интервью встречались в холле гостиницы. До меня — две встречи, после — еще четыре. «Вы всего лишь семь встреч назначили на один день?» — попыталась пошутить я. «Да, стала уставать», — совершенно серьезно ответила Гениева. Ближе к концу интервью к ней

уже стояла очередь из пришедших на встречу. А вечером полтора часа Диалогов Гениева как ни в чем не бывало держала свою королевскую осанку и говорила емко и точно, страстно, со знанием дела и болью о нем.

Вечером ужинали в огромной компании. Она — в тоненьком платье безупречного фасона. Черт его знает, почему весь вечер все только и спрашивали ее: «Екатерина Юрьевна, вам не холодно?» — «Что вы! Мне — изумительно», — отвечала невозмутимо. Когда я провожала ее к машине, поняла, ей было скорее жарко: так действует «химия», так действует болезнь. Но она ни слова об этом не сказала.

«Целую, целую, ни в коем случае не провожайте, я сама прекрасно дойду. Детям привет. Я позвоню, у меня есть пара идей, которые мы должны вместе реализовать, это очень важно», — сказала она нам с мужем. Больше мы не виделись.

Из-за марафона на следующее утро Питер был перекрыт. Она приняла решение идти пешком до вокзала. Из поезда домой, потом в аэропорт, в самолет, в Израиль и там — в больницу она уже переезжала в инвалидном кресле. В оставленной ею Москве, в библиотеке, которой она руководила без малого четверть века, началась очередная проверка...

Наше с ней интервью все это время ждало правки и «висело» в неотправленных сообщениях моей почты. Неделию назад почему-то само собой отправилось редактору «Медузы» Кате Кронгауз. Екатерина Юрьевна прочла его задним числом и была довольна, даже умилилась написать письмо. Как? Ка-

кой силой? Не представляю. И даже смогла пару раз позвонить и уточнить: сделали ли мы то-то и то-то, позвонили ли тому-то, как дела, как дети, как Коля?

А потом уже ее бесценный муж и самый замечательный на свете муж,

Юрий Беленький, присылал сводки об оставивших ее силах. И подписывался нежнейшей из подписей: Юра Катин.

Екатерина Юрьевна Гениева ушла как уходят великие люди. В кругу семьи, с невыключающимся телефоном, в делах.

...У нашего младшего сына придуманная ею и сделанная по ее заказу крестильная рубашка голландского кружева («у моей

пра-пра-прабабушки, Катюнька, была такая, можете себе представить?»), у меня на окне придуманная и сделанная по ее заказу икона святых Катерины и Николая, подаренная ею нам на свадьбу, куда она не успела из-за бесконечности библиотечных дел («это, пожалуй, единственное, о чем я жалею, что не успела в этом году»).

...В ночь, после того, как ее не стало, мне приснилось, что спрашиваю: «Екатерина Юрьевна, страшно ли умирать?» А она отвечает: «Умирать — не страшно. Страшно отвечать на вопросы». Проснувшись, подумала: если ей страшно, то каково должно быть всем нам? Как быть достойными ее? Как оправдать это счастье полутора лет дружбы? Как не подвести и реализовать миллион оброненных ею в нас великих идей?

... Утром, когда Катерины Юрьевны уже не было на свете, ее подруга Людмила Улицкая получила из Тамбовской области письмо, адресованное Гениевой: просили помочь с книгами для детских библиотек детского инерната, нескольких школ для детей с задержкой психического развития...

На прощании с Екатериной Юрьевной Гениевой будет стоять ящик для пожертвований на эти книги. Постарайтесь, пожалуйста, опустить туда деньги.

Источник: <http://www.pravmir.ru>

Юрий Кузнецов

Мы должны быть благодарны этим людям за всё лучшее, что было в России последние 15 лет

Много лет назад, в 1992 году, я сидел на собрании в Библиотеке Иностранной Литературы. Выступала Екатерина Гениева, фактический директор ВГБИЛ на тот момент. Она рассказывала о реформах, которые собиралась провести в библиотеке. У меня за спиной шептались две немолодые сотрудницы, и я услышал, как одна из них сказала:

— А была такая хорошая девочка! Джойсом занималась...

В этот момент я впервые задумался, что, возможно, пять лет назад Катя Гениева и не думала о том, чтобы превратиться из филолога в администратора. Но время изменилось — и она ответила на вызов изменившегося времени.

Я работал в Иностранке в 1991-92 годах, и в жизни библиотеки отражалось то, что происходило со всей страной. Библиотека выходила из союзного подчинения в российское, проводила «Конгресс Соотечественников» и печатала подпольный выпуск «Общей газеты» во время путча 1991 года. После «победы демократии» выяснилось, что денег нет и не будет, поэтому надо как-то менять экономическую модель. Именно тогда стали появляться культурные центры — сначала British Counsel, потом американский, французский, японский... Именно благодаря им едва ли не впервые в крупной московской библиотеке реализовалась модель свободного доступа к книгам — да и вообще появились те самые новые книги, на закупку которых у библиотек не было денег. Но главным, конечно, было то, что Гениева одной из первых поняла: библиотека в новое время должна быть прежде всего культурным центром.

Верность этот подхода была неочевидна, да и нравился он не всем — в частности, потому, что предполагал реформирование существующей системы. «Реформы» было ключевое слово начала девяностых и, надо сказать, Гениева проводила их довольно решительно. Много лет результат этих реформ был неочевиден — уже в начале двутысячных мне приходилось слышать, что «Катя тратит деньги на обустройство библиотечной недвижимости и прием иностранных партнеров, а комплектование фондов фактически прекращено». Но сегодня, когда модель библиотеки как культурного центра оказалась едва ли не единственным способом

сохранить библиотеки, успех того, что делала Екатерина Юрьевна уже не вызывает сомнения. В конце концов через обновленную ВГБИЛ и ее культурные центры прошли несколько поколений не только студентов, но и школьников (Иностранка до сих пор остается единственной крупной библиотекой Москвы, куда они могут прийти).

Последние недели я часто вспоминал Иностранку начала девяностых. В своих последних интервью и выступлениях Гениева предстает человеком, который сражается за то, что считает важным и ценным. Это традиционная позиция русского интеллигента — защищать культуру от того, что ее разрушает. Но я помню то время, когда Екатерина Юрьевна из «девочки, занимавшейся Джойсом» превратилась в серьезного руководителя, когда она не столько защищала существующее, сколько строила и создавала новое.

Когда мы говорим о людях девяностых, мы часто подразумеваем бизнесменов и политиков. Скажем честно, у нас есть основания не любить их и считать виноватыми в том, что Россия не стала той страной, о которой мы мечтали. Но среди людей девяностых были и другие — те, кто искали новые формы существования науки и культуры, создавали новые журналы, школы и университеты, реформировали старые организации. Мы должны быть благодарны этим людям за все лучшее, что было в России последние 15 лет — и для меня Екатерина Юрьевна Гениева один из самых ярких примеров таких людей.

Гениева и те, кто были рядом с ней, сумели создать один из крупнейших культурных центров в России. И что бы не происходило с Иностранкой сегодня и что бы не случилось с ней завтра, ничто не сможет отменить того, что она сделали за эти годы.

Вечная ей память и глубокая благодарность от всех нас.

Источник: <http://www.snob.ru>

Выставка «Тайные монашеские общины Высоко-Петровского монастыря»

Открытие выставки «Тайные монашеские общины Высоко-Петровского монастыря в 1920—1950-е годы» состоялось 3 сентября в Нарышкинских палатах одной из древнейших обителей Москвы. Кураторы выставки – историк Алексей Беглов, публикатор наследия Петровских отцов, и Кирилл Вах, директор научно-издательского центра «Индрик» подготовили к этому дню не только собственно экспозицию, но и фильм, посвященный героям выставки. В проекте участвуют также мемориальный комплекс «Бутовский полигон» и приход храма Сошествия Св.Духа на Лазаревском кладбище

Как отмечается в пресс-релизе, экспозиция выставки открывает перед широким зрителем внутренний мир тайных монашеских общин Высоко-Петровского монастыря – одного из духовных центров Москвы 1920–1930-х гг. В экспозиции собраны оригиналы и фотокопии уникальных фотографий и документов, а также вещи из частных и церковных собраний. Некоторые из них будут представлены впервые, и после выставки вряд ли представится возможность увидеть их снова. Выставка стала итогом многолетнего изучения наследия Петровских отцов и собирания по крупицам материальных свидетельств их жизни. Представленные вместе, они меняют наш взгляд на жизнь Москвы 1920–1930х гг.

Высоко-петровский монастырь

Наместник обители архимандрит Петр (Еремев) поблагодарил создателей выставки за воссоздание малоизвестного, но «эпохального отрезка» истории Петровского монастыря. «Эти тайные, подпольные общины монашествующих и те, кто поддерживал их в миру, сохранили в обезбоженной Москве то преемство, которое принесли Зосимовские старцы (в 1923 г. из разоренной большевиками подмосковной Зосимовой пустыни монахи и старцы перебрались в Высоко-Петровский монастырь – прим. ред.), сохранили как в малой толике соли ту духовность, которой была богата дореволюционная Москва», – сказал о. Петр. Он выразил надежду, что в переданных обители и реставрируемых сейчас Нарышкинских палатах сможет разместиться более широкая выставка о тайных монашеских общинах как явлении, не только Петровского монастыря, но и других московских обителей.

Известный московский археолог, доктор исторических наук Леонид Беляев назвал выставку «очень археологической». По его словам, «граница археологии» очень близко, «возле нас» – это всего 100 лет. Скоро экспонаты выставки тоже станут археологией. Тем важнее сохранить и сделать доступным то, что в течение долгих лет было скрыто «толщей запретов и забвения».

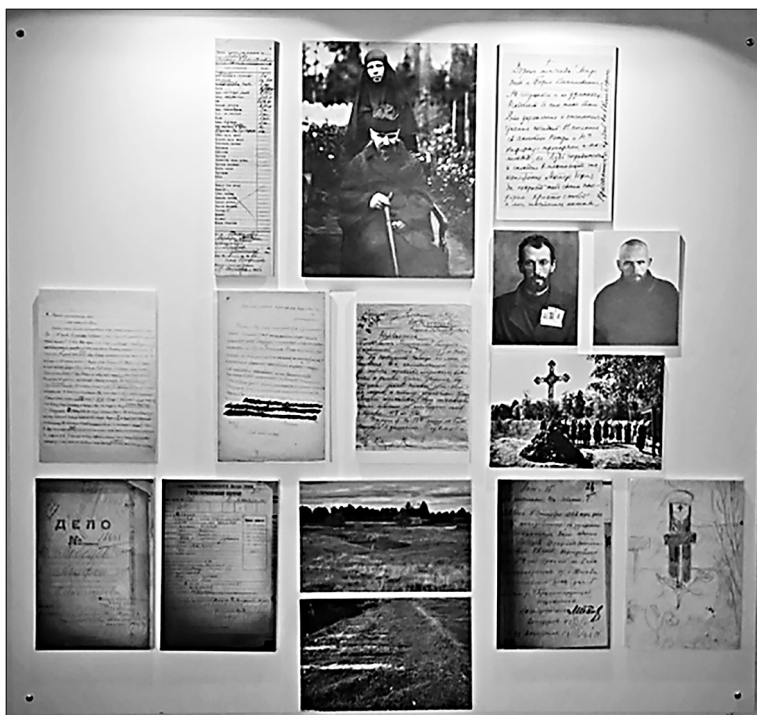
Те, кому посвящена новая экспозиция, могут быть названы «подлинными героями своего времени», сказал куратор выставки Алексей Беглов. «Они хранили веру и свои монашеские обеты в тех условиях, которые были не просто равнодушны, но враждебны христианству. ... Они жили как христиане – именно поэтому, я думаю, Россия и оставалась христианской страной, а не столько потому, что за этим стоят столетия христианского прошлого. Их судьбы трагичны, но и вдохновляющи, они вселяют надежду», – сказал историк.

Начиная экскурсию по выставке, он отметил, что она посвящена не столько репрессиям и мучениям, которым подвергались монашествующие, сколько внутренней жизни петровских общин и сохранению монашеской традиции. В 1923 г., когда в Высоко-Петровском монастыре появились Зосимовские старцы и монахи, вокруг них образовался круг молодых людей, жаждущих духовного окормления и подлинно церковной жизни. Некоторые из них приняли тайный постриг. В частности, значительная часть выставки основана на воспоминаниях тайных монахинь Игнатии (Пузик; 1903–2004) и Серафимы (Кавелиной; 1916–2006). По благословению схиархимандрита Игнатия (Лебедева; 1884–1938), самого известного духовника Высоко-Петровской

обители, они в миру не открывали своего монашества, соблюдая принципы «бытовой маскировки», как выразился А. Беглов: под своими мирскими именами учились, работали в советских учреждениях и артелях, воспринимая свою ежедневную работу как монашеское послушание. Но духовная их жизнь, скрытая от мира, развивалась под руководством старцев: в экспозиции можно увидеть письма с наставлениями духовным чадам, церковный самиздат (переписные от руки богослужебные тексты, фрагменты Евангелия, написанные на ткани для передачи заключенным в лагерь), множество фотографий и т.д.

В экспозиции отчасти воссоздан интерьер тайного скита, который располагался в чердачном помещении неподалеку от Высоко-Петровского монастыря, в Печатниковом переулке (дом не сохранился). Скит во имя иконы Божией Матери «Знамение» был средоточием монашеской жизни общины о. Игнатия. В этом «горне гнездышке» постоянно жили 2-3 монахини, другие же приходили в эту общину, чтобы вместе молиться, читать письма из тюрем и лагерей, собирать посылки для заключенных, помогать друг другу в работе и просто побыть в окружении единомышленников и единоверцев. На выставке можно увидеть подлинную рясю о. Игнатия – А. Беглов обратил внимание на то, насколько она ветхая, латаная-перелатаная. «Быт этого скита был более чем скромным», – отметил он. Скит просуществовал до конца 60-х гг.

Существенная часть экспозиции посвящена духовникам Петровского монастыря. Их семеро: уже упоминавшийся о. Игнатий (Лебедев), архиепископ Варфоломей (Ремов) – настоятель монастыря в 1921–1929 гг., отцы Митрофан (Тихонов), Исидор (Скачков), Никита (Курочкин), Зосима (Нилов), Федор (Богоявленский). Некоторые из них прославлены в лике преподобномучеников. На выставке можно также увидеть репродукции портретов зосимовских-петровских отцов, которые Павел Ко-

рин писал как эскизы для своего монументального панно «Русь уходящая».

Начиная с 1920-х гг. многие духовники Петровского монастыря не раз подвергались арестам и ссылкам, они вынуждены были переходить в другие московские храмы, которые еще были открыты. Аресты 1934–35 гг. привели к разгрому монашеской общности обители. В 1938 г. скончался в лагере в Алатыре (Чувашия) о. Игнатий, в 1939 г. – архимандрит Никита (Курочкин). Оставшиеся в живых духовники, даже находясь в заключении, не оставляли своим попечением духовных чад своих погибших собратьев, они писали им ободряющие письма. Так, одно из таких писем о. Федора (Богоявленского), умершего от пыток в тюрьме в 1943 г., выставлено в экспозиции. Единственный, кто пережил репрессии 1930-х гг., был архимандрит Исидор (Скачков; 1883–1959). Во время войны и в после-

военные годы вокруг него соединились духовные чада всех зосимовских старцев. «Последний зосимовский старец» кормил эти тайные общины, служа в поселке Новые Петушки, до 1959 г. Эта дата, как пояснил А. Беглов, и стала верхней хронологической границей для выставки.

Экспозиция открыта ежедневно, с 10 до 17 ч., в Нарышкинских палатах Высоко-Петровского монастыря (подняться на гульбище Сергиевского храма и, не заходя в храм, обойти его справа).

Юлия Зайцева,
Благовест-инфо.

ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ

Фрагмент из книги Ю. Пастернака «Цветочки отца Александра»

■ Марианна Вехова, писатель:

На жалобы, что времени ни на что вечно не хватает, он отвечал советом прохронометрировать мой день: пунктуально отмечать, на что было сколько времени истрачено. Столько-то на разговоры по телефону, столько-то на стояние перед зеркалом, столько-то на уборку, на чтение газет, листание журналов и т. п. Когда передо мной будет подробная картина всей моей деятельности в течение дня, я смогу корректировать её: второстепенное сокращать или убирать, главное не упускать...

Но он предупреждал, что я не должна стремиться к «подвигам»: сразу, скачком себя исправлять. Будут отступления, падения, взлёты. Всё надо принимать, не обольщаться, двигаться – хоть ползком, но – вперёд!

■ Екатерина Гениева, директор Библиотеки иностранной литературы:

В каждой смерти есть трагический смысл. После гибели отца Александра его книги изданы на многих языках, по всему миру. Он привёл к вере множество людей, которые его никогда не видели. Привёл не к обрядам, а именно к вере – своей искренней любовью к Богу.

У него было особое понимание времени, его малости и быстроты. В последние годы он читал немыслимое количество лекций. Я даже спросила: зачем столько? «**Так ведь, времени очень мало**» – ответил он. «Времени на что?» «**На всё**». Он спешил сделать то, что ему было начертано.

■ Владимир Ерохин, литератор:

В июле 1990 года (близкое будущее уже отбрасывало густую тень) отец Александр произнёс перед нами, своими прихожанами, пророческое: «**Жизнь – это миг. Мы можем выйти отсюда и все умереть. В наше время это вполне возможно. Что понесём мы в вечность?**»

И снова, в тысяча первый раз: **«Богу нужно одно: ходи перед Ним и будь непорочным...».**

■ Елена Кочеткова-Гейт, музыкант, педагог:

Однажды у нас с отцом Александром зашёл разговор о спорте. Я спросила, любит ли он ходить на лыжах. «**Люблю**», – ответил отец. – **Но никогда этого не делаю, потому что физически нет времени. Понимаете, Лена, ведь так многого хочется, а время бежит. Я как-то раз прикинул, сколько мне остаётся и сколько удастся сделать, так что приходится дорожить каждой секундой**».

Меня поразили его слова. Я поняла, до какой степени он отличается от всех нас, его духовных детей. Отец Александр живёт здесь и теперь. А мы – в мечтах. Он живёт в духовной реальности. А нам и подойти к ней страшно. Я поняла тогда, что главные черты отца Александра – реализм и оптимизм.

■ Михаил Завалов, врач-психотерапевт:

Вот эпизод, похожий на притчу.

Мы с отцом Александром едем от церкви к станции на такси (которое он прозвал «машиной времени», кстати). Он просит шофёра поспешить. Дорога прямо смотрит на станцию – в трёхстах метрах уже она нависает в нужном направлении, к Семхозу. (Естественная моя реакция – эх, мы опоздали!) Отец Александр, уже расплачиваясь, шофёру: «**Прибавьте ходу, пожалуйста**». Выскакиваем – к тому моменту уже все пассажиры зашли в электричку. Бежим, отец Александр прихрамывает. Невероятным образом – но успеваем вскочить, и двери тут же закрываются. Отдыхиваясь, отец Александр говорит: «**Ну, разве не прекрасна жизнь иногда, в такие моменты?!**»

■ Священник Владимир Зелинский:

Помню слова одного замечательного священника: «Я тоже пастырь, и у меня полно работы, с утра до вечера. И каждый раз, когда мне попадаете какая-нибудь книга отца Александра, я одного не могу понять: как, когда ему удаётся делать всё это?»

Подлинное его существование было «сокрыто со Христом в Боге» – в церковной и тайной молитве, в «памяти смертной», в постоянном сознании, что жизнь наша – миг перед вечностью... «**Впереди у нас вечность, успеем договорить**», – иногда говорил он своим собеседникам, которые никак не хотели с ним расстаться... Успеем, может быть, если только и нам откроется когда-нибудь та блаженная вечность, которая сегодня открыта ему.

■ Александр Зорин, поэт:

Однажды Таня, жена моя, встретила отца Александра на автобус-

ной остановке в Семхозе, где он, экономя минуты, ждал автобуса: электричка в Загорск уходила позже. Таня с сумками, тяжёлыми, конечно, тащится на дачу, и у перекрёстка с Хотьковской дорогой – тут же и остановка – одна сумка у неё обрывается: не выдержала ляпка, и всё содержимое сыплется на землю. Подъехал автобус. Отец Александр, видя Таню, бросается на помощь. Оба они подбирают просыпанное. Автобус ушёл. И следующий будет не скоро...

Отец Александр, считавший минуты, забывал о времени, когда возникал призыв о помощи. Сколько таких призывов оттаскивало его от письменного стола, где он безупречно точным словом тоже помогал людям.

Хотя рьяных доброжелателей, пытавшихся огородить его (особенно в последнее время) от наседающей паствы, просил этого не делать. Не посягать из благих намерений на его личную жизнь, в которой невозможно отделить судьбу писателя от священника.

Разумеется, как всякий мастер своего дела, он дорожил временем. В том числе, и за письменным столом. Помню, как назначил мне встречу дома в определённый час. А я, придя вовремя, задержался у Ангелины Петровны, его тещи. Она о чём-то меня спросила, пришлось объяснять подробно, – словом, задержался чуть ли не на полчаса. Слышу: отец Александр спускается по лестнице, смотрит на часы в некотором недоумении.

Минуты у него были на счету, если не секунды... Иногда он мог прервать говорящего на полуслове и проститься – опаздывал на поезд.

Зоя Афанасьевна Масленикова вспоминает: со станции Пушкино в сторону Семхоза шли две электрички с разницей в четыре минуты. Первая, Александровская, битком набитая, вторая – через четыре минуты, Загорская, где можно и сидеть, и дышать спокойно. Он выбирал всегда первую. Зоя Афанасьевна сначала возмущалась – четыре!!! минуты!.. И тогда он ей объяснил: **«За четыре минуты можно прочитать 20 страниц или написать одну страницу, или ответить на письмо».**

■ **Владимир Леви, врач-психотерапевт, писатель:**

– Как ты столько успеваешь? – допытывался я (и не один я).

– **А сколько столько?.. Я одним делом всю жизнь занимаюсь. И не я его делаю, а оно меня... Древо Цели: один ствол на корнях, дальше ветви и ветки, мельче и мельче... Задачи разветвляются на дела, дела на делишки – как кровообращение: от сердца до капилляров.**

– Сколько же у тебя самых крупных ветвей – главных проектов?

– **На каждый обозримый период стараюсь держать не больше пяти, как пальцев на руке, притом только одна работа главная, как большой палец, а остальные сопутствующие, но их сумма по значимости примерно равна основной... Стараюсь соблюдать иерархию – отличать делишки от дел, дела от задач, задачи от Цели: если низшее наезжает на высшее, а не служит ему – к ногтю... Всё, в общем, просто. Но конечно, энтропия взимает налог, зряшние потери всё равно происходят... Если в пределах примерно одной пятой от времени в целом – ещё ничего... Когда человек вполне ясно себе представляет, к чему стремится, то всегда знает, чего хотеть в каждый миг, что предпочесть, от чего отказаться, в этом случае время само себя бережёт...**

■ **Михаил Мень, министр строительства и ЖКХ РФ, сын о. Александра:**

Отец фантастически умел управлять своим временем – и я постарался научиться этому. У него всегда была чётко расписана каждая минута, и он повторял: **«Время – это конь, а часы на твоей руке – поводья».** Я никогда не видел, чтобы он просто ничего не делал. Сорок минут идёт электричка до Пушкино, так вот, очень многое из того, что сейчас публикуется, написано и отредактировано им в электричке.

■ **Андрей Тавров (Суздальцев), писатель:**

Время отец Александр воспринимал как вызов. Бег времени был ему вечным напоминанием о том, сколько упущенных возможностей послужить Христу осталось уже позади.

Он постоянно соперничал со временем, наполняя и раздвигая его рамки до такого объёма, что казалось, оно и вправду остановилось. А то и пойдёт сейчас назад. Его трудоспособность была невероятна. **«Про меня думают, что Александр Мень это три человека, – шутил он, – один священник, второй пишет книги, а третий издаётся за рубежом и что-то там ещё делает».**

Он соперничал со временем. Однажды в слове перед исповедью он даже достаточно резко, что было ему несвойственно, отозвался о тех прихожанах, что

слоняются по двору. Для него это было недопустимым мотовством – так он был заряжен на свершение.

И когда появилась возможность выступить перед аудиториями дворцов культуры – он один говорил за всю церковь. Было такое ощущение, что церковь пребывала в тот период в некотором столбняке ввиду открывшихся свобод, и была не готова действовать, а может быть, ей просто нечего было сказать. Чиновники всегда выжидают, как оно обернётся дальше. Зачем спешить? А он спешил. Он хотел обогнать неумолимое время. Не знаю, чуял ли, что его, земного, немного ему осталось.

Про Христа воскресшего он несколько раз говорил мне, что **«Тот управлял временем, как и пространством: не только проходил сквозь запертую дверь, но также мог путешествовать в будущее или в прошлое»**. Свидетельства этого он находил в некоторых неувязках евангелистов, описывающих последовательность явлений воскресшего Христа.

■ *Нина Фортунатова, педагог, регент:*

В начале 60-х Серёжу, друга моего детства, пригласили на крестины Ванечки Шмелёва, сына академика, лингвиста, Дмитрия Николаевича Шмелёва. Ехать было недалеко, на Мещанскую улицу, и Сергей согласился. Крестить должен был молодой священник, друг семьи. Это был отец Александр. На крестинах присутствовал старенький священник, отец Роман. Он был тайным священником, рукоположенным в лагере, куда он попал за веру. Рукоположен епископом, который тоже был осуждён. Жил отец Роман в Коломне и к Шмелёвым приехал в гости на крестины. Отец Роман был прозорливый человек и многое людям говорил наперёд, и хорошее, и плохое. И вот он за 30 лет предсказал отцу Александру его трагическую гибель. Серёжа был потрясён и плакал навзрыд. На что отец Александр сказал ему: **«Не надо плакать. Будь мужчиной. На всё воля Божья»**.

Сквозь слёзы Серёжа возразил: «Давайте помолимся, чтобы

это как можно дольше не случилось, чтобы вам как можно больше успеть сделать добрых и полезных дел».

«И написать много полезных и нужных книг», – добавил батюшка с улыбкой. А потом сказал очень серьёзно: **«Всё в руках Божьих»**.

Узнав такую новость от Серёжи много лет спустя, я проживала её целый год, прежде, чем решилась написать. Боже мой! Значит, батюшка жил с этим знанием! Какой урок нам всем! Это и мужество,

и невероятное доверие Богу, и горячая любовь к Нему! И никогда даже тени печали не пробежало в его глазах – только огонь.

■ *Владимир Шишкарёв, композитор:*

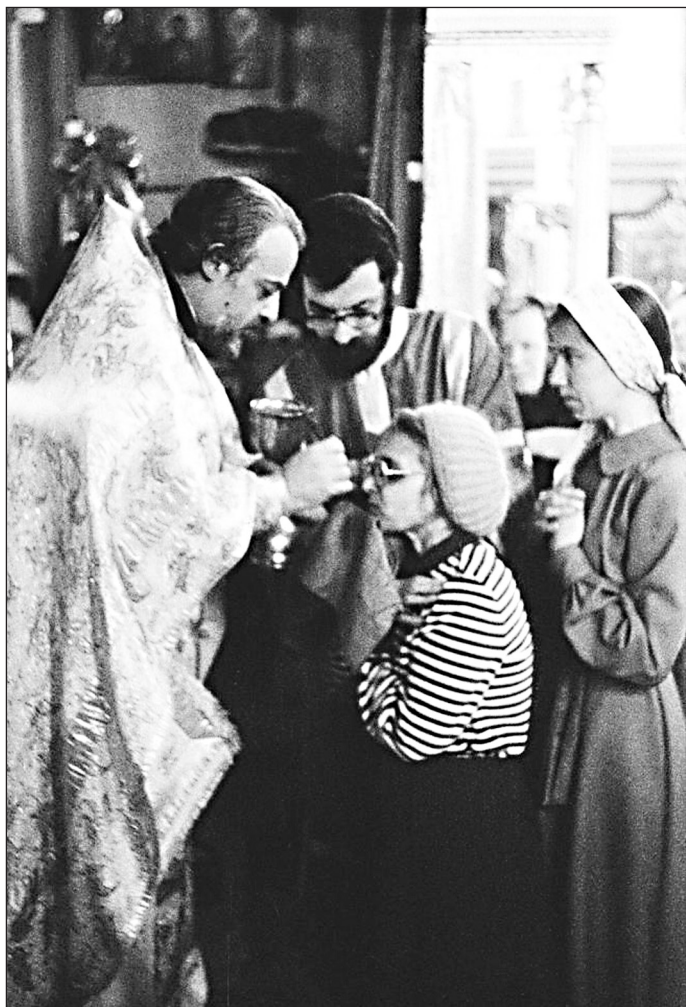
Как-то батюшка меня взял с собой на станцию, и мы шли по базару. Он как ребёнок радовался всему: там были арбузы, дыни, виноград, всё это осеннее богатство – ну, даже художник так картина не радуется. Он смотрел с восторгом на всё это дело. И мне он говорил: **«Вот видите, Володя, у меня очень мало времени, но я ни одной крупинцы красоты не упускаю. Есть мгновение – я это мгновение ловлю. И вы, – говорит, – не упускайте»**.

■ *Священник Георгий Эдельштейн:*

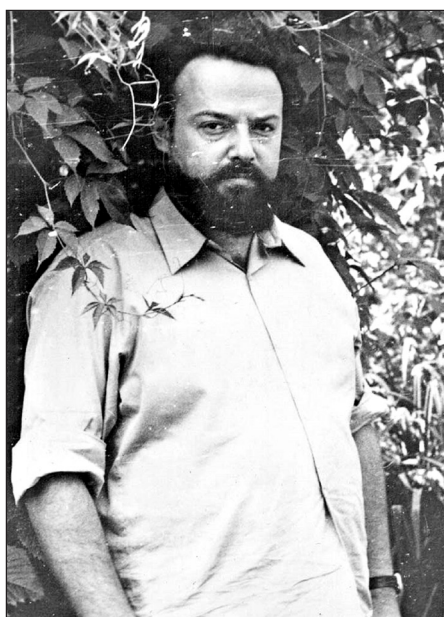
Отец Александр Меня для меня всегда был загадкой. Я впервые задумался о нём в Алабине. Он всегда с точностью до минуты знал, когда закончит службу. Его прихожане могли отстоять всю службу до конца, подойти к кресту, не спеша дойти до станции, сесть на электричку и уехать – большинство были из Нарофоминска. Им нужно было на электричку. Опоздаешь – будешь стоять на морозе. Отец Николай Эшлиман тоже должен был служить так, чтобы успели на электричку в том же Монино. Но он всегда об этом забывал, сам опаздывал и замерзал, и морил холодом своих прихожан, но никогда не мог уложиться – то слишком рано заканчивал богослужение, то слишком поздно. Во всяком случае, у него никогда не было такой внутренней дисциплины, как у отца Александра.

■ *Ирина Языкова, искусствовед:*

Отец Александр говорил: **«Нужно жить здесь и сейчас, потому что подлинная жизнь существует только в этой точке. А мы, как правило, либо застреваем в прошлом, копаемся в воспоминаниях, либо улетаем мечтами в будущее. Но прошлого уже нет, а будущего ещё нет. Значит, мы не живём, потому что жизнь всегда происходит только здесь и сейчас»**.

Прот. Александр Мень

Кредо

Вы просите меня изложить мое кредо. Хотя кредо каждого христианина и, разумеется, священника, уже выражено в Символе веры, Ваш вопрос вполне законный. Христианство неисчерпаемо. Уже в апостольское время мы находим целую гамму типов Христианства, дополняющих друг друга. Итак, если выразиться кратко, для меня вера, которую я исповедую, есть Христианство как динамическая сила, объемлющая все стороны жизни, открытая ко всему, что создал Бог в природе и человеке. Я воспринимаю его не столько как религию, которая существовала в течение двадцати столетий минувшего, а как Путь в грядущее.

Оно имеет средоточие своей веры во Христе, Им измеряет и оценивает все (Откр. 1,8). Оно знает, что приход на землю Богочеловека не был односторонним божественным актом, а призывом к человеку ответить на любовь Божию (Откр. 3,20).

Оно познает присутствие и действие Христа в Церкви, а также в жизни вообще, даже в самых простых, обыденных ее проявлениях (см. притчи Господни, в частности, Мф. 6,28-29); знает, что достоинство личности, ценность жизни и творчества оправдываются тем, что человек является творением Божиим (Пс. 8); видит в вере не теоретическое убеждение, а доверие к Богу (Рим. 4,3); не требует ощутимых знамений (Мк. 8,11-12), памятуя о том, что творение — чудо (Пс. 18,2); оно внимает Слову Божию, которое

запечатлено в Писании, но остерегается буквально толковать каждую строчку Библии, особенно Ветхого Завета (Рим. 7,6); верит, что один и тот же Бог открывался в обоих Заветах, однако открывался постепенно, в соответствии с уровнем человеческого сознания (Евр. 1,1); различает грань, отделяющую Предание (дух веры и учения) от «преданий», среди которых есть немало фольклорных и преходящих наслоений на религиозной жизни (Мк. 7,8; Кол. 2,8).

Оно верит, что Церковь живет и возрастает силой Христовой (Мф. 16,18; 18,20); верит, что Христос являет Себя в таинствах Церкви, в ее освящении мира, в ее учительстве и в делах служения (1 Кор. 11,26; Мф. 18,20,19-20; Рим. 6,11; Мф. 18,18; Лк. 10,16), но знает, что ни одна из этих сторон церковной жизни не является самодостаточной, ибо Христос пришел и как Спаситель, и как Целитель, и как Наставник; чтит обрядовые формы благочестия, не забывая ни на мгновение, что они вторичны в сравнении с любовью к Богу и людям (Мф. 23,23-24; Мк. 12,28-31); верит в значение иерархического и канонического принципа в Церкви, видя в них свойство структуры деятельного организма, имеющего практическое призвание на земле (1 Кор. 11,27-30); знает, что богослужебные и канонические уставы менялись на протяжении веков и в будущем не смогут (и не должны) оставаться абсолютно неизменными (Ин. 3,8; 2 Кор. 3,6,17). Это же относится и к богословскому толкованию истин веры, которое имело долгую историю, фазы раскрытия и углубления (так Отцы Церкви и Соборы вводили в обиход новые понятия, которых нет в Писании).

Оно не боится критически смотреть на прошлое Церкви, следуя примеру учителей Ветхого Завета и Св. Отцов; расценивает все бесчеловечные эксцессы христианского прошлого (и настоящего): казни еретиков и т.п. как измену евангельскому духу и фактическое отпадение от Церкви (Лк. 9,51-55); знает, что противники Христа (беззаконный правитель, властолюбивый архиерей, фанатичный приверженец старины) не принадлежат только евангельской эпохе, а возрождаются в любое время, под разными обликами (Мф. 16,6); остерегается авто-

ритаризма и патернализма, которые коренятся не в духе веры, а в чертах присущих человеческой падшей природе (Мф. 20,25-27; 23,8-12); исповедует свободу как один из важнейших законов духа, рассматривая при этом грех как форму рабства (2 Кор. 3,17; Ин. 8,32; Рим. 6,17).

Оно верит в возможность стяжания человеком Духа Божия, но чтобы отличить это стяжание от болезненной экзальтации («прелести»), судит по «плодам духа» (Гал. 5,22); вслед за ап. Павлом смотрит на человеческое тело как на Храм Духа (1 Кор. 6,19), хотя и несовершенный в силу падшего состояния природы; признает необходимость попечения о нем (1 Тим. 5,23), если оно не переходит в «культ плоти»; в соответствии с соборными решениями смотрит на брак и на монашество как на «равночестные», если только монашество не принимается под влиянием честолюбия и других греховных мотивов; отказывается объяснять зло в человеке только его несовершенством или «пережитками звериной природы», а верит в реальность метафизического зла (Ин. 8,44).

Оно переживает разделение христиан как общий грех и нарушение воли Христовой (Ин. 10,16), веря, что в будущем грех этот преодолется, но не на путях превозношения, гордыни, самодовольства и ненависти, а в духе братской любви, без которой призвание христиан не может быть осуществлено (Мф. 5,23-24); открыто всему ценному, что содержится в христианских исповеданиях и нехристианских верованиях (Ин. 3,8; 4,23-24); не отвергает добра, даже если оно исходит от людей безрелигиозных, но отвергает насилие, диктат, ненависть, даже если они прикрываются именем Христовым (Мф. 7,21; Мк. 9,40; Мф. 21,28-31); рассматривает все прекрасное, творческое, доброе как принадлежащее Богу, как сокровенное действие благодати Христовой; считает, что зараженность той или иной сферы грехом не может служить поводом для ее отвержения. Напротив, борьба за утверждение Царства Божия должна вестись в средоточии жизни.

Оно «аскетично» не столько тенденцией бегства от мира, сколько духом самоотвержения, борьбой с «рабством плоти», признанием господства непреходящих ценностей (Мф. 16,24); видит возможность реа-

лизовать христианское призвание человека во всем: в молитве, труде, созидании, действенном служении и нравственной дисциплине; верит в святость человеческой любви, если она соединена с ответственностью. Верит в святость семьи и брака (Быт. 2,18,23-24; Мф. 19,5); признает естественной и оправданной любовью к отечеству и отечественной культуре, памятуя, однако, что духовное выше национального (Евр. 13,14; Гал. 3,28; Кол. 3,11).

Оно ценит национальные облики церквей как конкретные индивидуальные воплощения человеческого духа и богочеловеческой тайны. Однако это не заслоняет вселенского характера Церкви; оно относится к многовековому культурному творчеству Церкви не как к ошибке, а как к реализации даров Божиих.

Оно не считает разум и науку врагами веры. Просвещенное духом веры знание углубляет наше представление о величии Творца (Пс. 103, 3; Цар. 4, 33; Пс. 88,6); отвергает попытки найти в Писании или у Отцов Церкви естественно-научные

сведения, пригодные для всех времен; рассматривает научное исследование Библии и церковной истории как важное средство для уяснения смысла Откровения и реальных обстоятельств св. истории; открыто ко всем проблемам мира, полагая, что любая из них может быть оценена и осмыслена в свете веры; утверждает с апостолом, что свидетельство веры в мире есть прежде всего свидетельство служения и действенной любви (1Кор. 13); смотрит на общественную жизнь, как на одну из сфер приложения евангельских принципов; признает гражданский долг человека (Рим. 13,1), поскольку он не противоречит требованиям веры (Деян. 4,19); не объявляет ту или иную систему правления специфически христианской. Ценность системы измеряется тем, что она дает человеку: целесообразностью и гуманностью; считает отделение Церкви от государства оптимальной ситуацией для веры и усматривает опасность в самой идеи «государственной религии»; верит в историю как поступательный процесс, кото-

рый через испытания, катастрофы и борьбу восходит к грядущему сверхисторическому Царству Божию; относится сдержанно к концепции «неудавшейся истории», то есть к убеждению, что правда Божия потерпела на земле полное поражение (против этого говорит Откр. 20,1-6); верит, что когда бы ни наступил последний Суд миру, человек призван трудиться на благо других, созидая царство добра, Град Божий; — верит, что Суд уже начался с того момента, когда Христос вышел на проповедь (Ин. 3,19; 12,31); смотрит на посмертное состояние души человека как на временное и несовершенное, которое в грядущем восполнится всеобщим воскресением и преображением (Дан. 7,13; Ин. 5,28; Рим. 8,11; Откр. 20,11-15); знает, что Царство Божие, которое грядет, уже сегодня может воцариться «внутри нас» (Мк. 17,21; 9,27).

Думаю, что в этом Вы не найдете ничего нового, а просто одно их преломлений Христианства изначального, древнего и, по слову Златоуста, «присно обновляющегося».

Пэтическое приношение Отцу Александру Меню

Закурено А.Ю.

Памяти убиенного о. Александра Меня

I

Я видел закат
погруженный по грудь
в голубяную твердь
Я по снегу прошел
в попытке
услышать как становится
формой звук
разорванной подковы
я отказался признать
счастьем
сбегавших холмов клятву
в размокшей глине
чоботы странника
с отсеченными глазами
травы
вроде бы крик из
рубрики титаника
или кипятка
проржавленную спиралью
пространства

так я входил в постоянство
(с повязкою на глазах
для долга)

того, о чем не скажешь
даже назвав его в лоб
по имени
людского племени
ведомого на жатву жизни

II

Если Он созревает
в пламени
или дышит
в темени темени
то какими углами
у семени
ты подпочву признаешь в памяти

Есть в незнание спасенье от времени
но отдыхка боли — не в стамине
не касаться же кожи руками, мне
и очам горячо от знаменья

9 сентября 1990

Ольга Седакова

Отче Александр, никто не знает
здесь о том, что там.
Вряд ли кто-то называет
то, что сердце забывает,

Рисунок Анатолия Юрьева

как назвать,
 каким словам
 сделаться без звука, без сказанья,
 как открытая рука...
 Вашей радости название
 выглядит, как солнце в облака:
 это называется любовью,
 для которой нет чужих.
 Врач, стоящий в изголовье,
 пламя нежного здоровья
 он зажег уже в больных.
 Ливень не зальет,
 и ветер не задует,
 не затопчет человек.
 И не так он страшен, как малюют,
 этот мир и этот век.

Александр Зорин

Неоспоримы слова отца Александра,
 напоминающего нам не очень-то строго
 о том, что Библия — письмо Господа Бога.
 И бывает досадно,
 что письмо подолгу валяется нераскрытым,
 придавленное общественными делами и бытом.
 И правда — посланное ныне и присно,
 разве оно останавливает
 сиюминутные трень-брень...
 И разве долгожданные письма
 от любимых — мы не перечитываем
 по сто раз в день?..
 Пудрим мозги себе и доверчивым людям...
 Доказываем, что Жизнь — не лотерея
 и не лакомое эскимо.
 А между тем, как вчитываемся, так и любим
 Того, кто послал нам письмо.

Два лица

Улыбка отца Александра, —
 на землю прорвавшийся свет, —
 свидетельствует — осанна! —
 что смерти у святости нет.

Слова, возвестившие много:
 «Нам нету пути унывать».
 Улыбка — наследие Бога,
 Его именная печать.

Лишь приостановится в беге
 Дыханье. Праха щепоть...
 Мы — любящие навеки.
 Нас ждет обновленная плоть

В мгновенном посмертии, завтра.
 Любых подтверждений верней —
 Улыбка отца Александра
 И старенькой мамы моей.

Григорий Зобин

Исход

В глазах угрюмых ужас и тоска.
 Оставлен скарб при сборе торопливом.
 Папирусной империи войска
 Погребены нахлынувшим приливом.

А камни гулким сыпались дождем,
 Когда тряслось подножие Синая,
 И люди шли за кряжистым вождем,
 Изнемогая, плача, проклиная.

Потом, насытив неумность чрев,
 Плясали и ходили хороводом
 Вокруг быка из золота, и гнев
 Пылал над обезумевшим народом.

И меч блеснул... Но даже и тогда,
 В час горечи, торжественно и немо,
 Горела та далекая звезда,
 Что после вспыхнет в небе Вифлеема.

Ирина Языкова

Новая деревня

Новая Деревня. В небе птичий гам.
 Молятся деревья, обступивши храм.
 Тихие могилы спят спокойным сном.
 Слышен сердцу милый колокольный звон.

Солнце кружит в небе золотым кольцом.
 Батюшка, как прежде, выйдет на крыльцо.
 Слышу его голос, вижу его взгляд.
 Здесь мы были счастливы много лет назад.

Здесь на Литургии в самый ранний час
 Небо открывалось каждому из нас.
 Протянулась к сердцу тоненькая нить.
 Здесь мы научились верить и любить.

Проскакало время на лихом коне.
 Новая Деревня часто снится мне.
 И любимый образ памятью храним.
 Новая Деревня, мой Иерусалим.

Ирина Рязанова

Там вокруг земля сияла,
 И деревья восклицали,
 И молились доски церкви,
 Голос ангела звенел.
 И пройти там можно было
 Только сердцем — не ногами:
 Называлось это место
 Небо. Небо на земле.

Главный редактор: протоиерей Александр Борисов
Редакционная коллегия: Александр Зорин,
 Александр Кремлёв, Ольга Папцова, Константин Семёнов,
 Алла Смирнова
Редактор выпуска: Ирина Языкова

Компьютерная вёрстка: Алина Троицкая
Адрес редакции: Столешников пер., д. 2, комн. 12
Тел.: +7 (495) 629-10-11
e-mail: irinayazykova@yandex.ru
 с указанием темы письма: «Для Приходской газеты»